

Людмила Миловацкая

Принявшие
Дар

Людмила Миловацкая

Принявшие Дар

«Издательские решения»

Миловацкая Л.

Принявшие Дар / Л. Миловацкая — «Издательские решения»,

Череда странных событий заставляет наших героев поверить в существование иных миров, расположенных в различных измерениях. Этот поразительный факт ничего не меняет в их жизни. Они давно пришли к убеждению, что мир, в котором живут, отнюдь не «плоский», ограниченный пространством и временем: он обладает глубиной! «Сердце человеческое глубоко», — сказано в Евангелии. Таинственная по происхождению и по содержанию глубина — главное Измерение, соединяющее человека с Высшей Реальностью.

© Миловацкая Л.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Принявшие Дар

Людмила Миловацкая

© Людмила Миловацкая, 2016

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Бескрайнее море, переливаясь сотнями оттенков ультрамарина, несет свои широкие волны. Ряд за рядом. Обессиленные долгим бегом, они тихо накатываются на берег и отступают, оставляя на песке крохотные бисеринки жемчуга. Все вокруг покойно и мирно – ни одной яркой краски, ни одного громкого звука. Ничто здесь не возмутит ни мысли, ни чувства. Лишь на линии горизонта, там, где густая синева неба сливается с аметистовой гладью воды, можно различить свечение. Там их дом – лучезарный мир радости, любви, свободы. Мир, который вдруг стал чужим для нее, а значит, и для него...

– Тебе не наскучил этот пейзаж? Хочешь, изменю его на любой другой?

– Не стоит...

– Как ты оказалась на границе запрещенной Реальности?

– Меня позвали.

– Это невозможно. Там уже давно нет созданий, способных воспринимать наши частоты...

– И все же, я ясно слышала зов.

– Может, это была ловушка? Ты растратила в мире людей слишком много энергии и могла не почувствовать опасность.

– Я очень провинилась.

– Никто не застрахован от ошибок.

– Но ведь это был не первый спуск в слой тяжелой материи.

– Самостоятельно – первый. Это я виноват, я должен был подстраховать тебя.

– Не говори так. Я – все еще – Я, только благодаря тебе. Почему они меня не уничтожили?

– Мы вовремя подросли.

– Тем не менее эта зона отчуждения – максимум, который я еще способна выдержать.

Надолго ли меня хватит? Что потом?

– Я не оставлю тебя, что бы с тобой ни случилось.

– Знаю. И от этого мне еще хуже. Никто и ничто не имеет права ограничивать свободу другого. Это я еще помню...

– Тогда ты должна помнить и главное – наша высшая свобода – несвобода от Него. Я здесь, потому что не могу служить Ему вполсилы. Ты исцелишься, и мы наверстаем упущенное.

– Вряд ли это возможно.

– Для Него нет ничего не возможного...

– Приветствую вас, – они и не заметили слабого всполоха света, предшествующего появлению гостя.

– Наставник!

– Я не один.

– Брат мой, сестра! – обняли новых посетителей отшельники. – Какая радость! Вы к нам надолго?

– До тех пор, пока ты полностью не излечишься.

– Вы не можете находиться здесь вечно, – горько усмехнулась девушка.

– Нам не понадобится так много времени, – возразил Наставник. – Картина происшествия восстановлена до мельчайших подробностей. Нападение было неожиданным, стремительным, жестким. Ты даже не пыталась дать отпор, позвать на помощь.

– Похоже, ты так и не поняла, что происходит, – голос юного вестника звенел от сострадания. – Мы оказались там через мгновение. Противники не успели ни воспользоваться твоей

силой, ни уничтожить ее, но... Они развеяли ее по множеству миров – теперь частички твоей личности заперты в глубине сознания других существ.

– Этого я опасалась больше всего, – девушка прикрыла ладонями лицо.

Вестница провела крылом по ее плечу.

– Все не так страшно. По закону соответствия они попали к друзьям вашего сердца...

– Вместе с посылом противника? Не могла же энергия холода исчезнуть бесследно?

– Увы!

– Бедные, что они должны чувствовать, как ужасно страдать!

– Сердце человека всегда было полем битвы противоположных сил, – напомнил Наставник. – Так или иначе, но для твоего полного исцеления необходима их помощь – обратная связь. Как только ваши подопечные встретятся и исполнят предназначенное им, твои силы восстановятся. Тепло их бескорыстной любви, сотворчество, осознанное стремление к Свету – все это восполнит утраченную часть твоей сущности.

– Для того чтобы все это случилось, необходимо время. У меня его почти нет – ведь здесь я тоже его данница, и даже этот слой вскоре станет мне не под силу.

Все невольно посмотрели на нее – вместо широких серебристых крыльев прерывистый контурный силуэт, да едва заметное свечение за плечами.

– Мы не вправе менять ход событий, но можем ускорить их. Ты, – обратился Наставник к своему любимому ученику, – должен сочинить мелодию, лучшую из всех, что сочинял до сих пор. Преодолев пространство и время, она достигнет сердец ваших друзей и многократно усилит в них желание мечтать, творить, любить!

– Услышат ли они ее, захотят ли принять, понять? Они еще так слабы и так мало верят себе.

– Будем надеяться. Они – наши младшие братья и сестры.

– Не так много у нас общего.

– Но оно есть: с самого своего рождения они получили в дар способность любить.

– Не каждый готов принять этот Дар! Не всякий способен удержать его. Кому-то он представляется непомерно большим, чтобы уместить в своем усталом сердце, кому-то кажется и вовсе не пригодным для повседневной жизни.

– Кому-то, но не им! Ведь не случайно они стали вашими подопечными. Оставь свои сомнения! – твердо сказал Наставник. – Примемся за дело, ибо коротки сроки человеческой жизни. Каждый из нас отдаст песне частичку своего тепла, и друзья ваших друзей придут к ним на помощь!

– Я озарю мелодию Светом нашего дома, и они вспомнят свое будущее! – засиял янтарными глазами юный вестник.

– Я согрею ее нашей радостью, и она растопит лед отчужденности! – расправила крылья яснолика посланница.

– Я расцвету музыку красками родного Мира, и они разгонят мглу страхов! – робко подхватила отшельница.

– Пусть эта песня будет гимном – гимном нашей любви к Творцу и друг к другу, – подытожил Наставник.

Юноша взмахнул белоснежным крылом и, глядя в лицо возлюбленной, начал песню. Была она тиха и кротка, как улыбка просыпающегося ребенка. Один за другим присоединялись к нему голоса друзей. По мере того как мелодия набирала силу, разрастался повсюду свет, отступали, исчезая навек, мрачные краски. Сотрясаясь, прогибалось и расширялось пространство.

Струны Вселенной, настраиваясь на новый мотив, причудливо переплетали свои серебряные нити и складывались в неповторимый по красоте орнамент. Еще мгновение – и первые звуки запечатленного в Вечности узора рассыпались по мириадам миров.

Глава 1

Полет продолжался уже больше часа. Обычное после взлета возбуждение улеглось, затихли шутки, смех. Кто дремлет, кто читает... Между рядами кресел неспешно проходят стюардессы, предлагают напитки. Даниил с удовольствием поглядывал на одинаково длинноногих, улыбчивых девушек и наслаждался покоем. Рядом, с раскрытым журналом в руках, сладко спит Елена Петровна. Мерный, едва слышный в салоне гул моторов, однообразная картина в иллюминаторе навевали сон на Даниила, но напряжение сегодняшнего дня не отпускало.

Нынешний сезон был на редкость удачным. Позади волнения, страсти, невероятное напряжение воли, психических и физических сил, успех, награды, интервью, новые знакомства и предложения. Теперь – только отдых! – Даниил даже зажмурился – так приятна была мысль о длительном безделье.

«Вот скину экзамены...» Перед глазами замелькали милые сердцу картинки дачной жизни: поросший кустами смородины и шиповника сад, лужайка у дома, сплошь усыпанная разноцветной кашкой, извилистая речка с прозрачной холодной водой, лесная просека, косые лучи солнца, пробивающиеся через высокие кроны сосен. Один луч уперся прямо в него – ох, до чего яркий! Он разрастается, становится плотным, подхватывает его...

Да нет же, не солнечный луч, а мощный свет прожектора лезет в глаза, слепит, не дает возможности увидеть лицо той, что стоит рядом и чьи пальцы он сжимает в своей руке. Ослепительно белый свет сцены и непроглядная темень простирающегося внизу зала – больше ничего вокруг! Вспыхнувший огонек настольной лампы выхватил из темноты небольшой участок партера и осветил сидящих за режиссерским пультом людей – троих мужчин и женщину.

«Какие лица чудесные! Будто светятся изнутри!» – с удивлением рассматривал их Данила. Они казались ему существами высшего порядка, и ощущение это не раздражало, не тяготило. Напротив, сердце наполнилось такой радостью, как будто он был одним из них или когда-нибудь станет таким.

– Ваш союз предопределен, – начал сидящий в центре мужчина, с виду старший по возрасту и по положению. От его крепкой фигуры и твердо очерченного лица с очень яркими голубыми глазами веет необыкновенной, притягательной силой. – Но мы просим вас...

Даня, вздрогнув, открыл глаза. Перед ним стоял рыжий веснушчатый мальчик и дергал его за рукав свитера.

– А я тебя видел по телевизору, ты классно катаешься на коньках, – сказал он по-английски, глядя Дане прямо в лицо.

– Микки, не мешай человеку отдыхать, – громким шепотом урезонила немолодая дама, наверное бабушка. Узнав в попутчике известного спортсмена, широко улыбнулась и подняла вверх большой палец. Кивнув в ответ, Даня усмехнулся про себя.

«Вот настырный пацан, разбудил на самом интересном месте! Сколько ему – лет шесть? Подумать только – мне было столько же, когда впервые пришел на стадион, я тоже себя держал за взрослого!» – Данила откинулся на высокую спинку кресла, прикрыл глаза, и воспоминания поплыли одно за другим.

...Родители долго не могли определиться с видом спорта – то стадион очень далеко, то возраст не подходит, то тренер равнодушный. Но фигурное катание выпало, как часто бывает, совершенно случайно. Соседи возили свою шестилетнюю дочку на каток в Лужники.

– Запишите Даньку в нашу группу. По крайней мере, научится кататься на коньках, – предложили они отцу. – Вместе и детям веселее, и нам удобнее – будем возить их на стадион по очереди.

У соседа был старенький «москвич», и они добирались до Лужников по набережной за каких-нибудь двадцать минут.

Очень скоро тренер выделил его среди детей и начал заниматься индивидуально.

– У парня неплохие способности, а главное, налицо характер – без него в спорте делать нечего, – порадовал он родителей. – Кроме того, у него отличные хореографические данные, может, его стоит показать специалистам?

Так, с легкой руки Владимира Ивановича, он попал в хореографическую школу и проучился там почти пять лет...

Даня посмотрел на сидящего в соседнем ряду Никиту Андреевича. Читая какую-то статью, тот недовольно крутил головой и что-то бурчал себе под нос. Словно почувствовав взгляд, обернулся.

– Не спится? Почитай журналы, есть кое-что интересное.

– Потом просмотрю. Хочется от всего отдохнуть.

– Ну-ну, – Никита Андреевич снова зашелестел страницами растрепанной объемистой газеты.

«А ведь тот дядька, что говорил, вылитый Никита, только немного помоложе и покрасивей, – вспомнил свое короткое сновидение Данила. – О как! Мы теперь и во сне не расстанемся. И то сказать, сколько он для меня сделал – верный друг, Учитель, лучший в мире хореограф».

С колен Елены Петровны соскользнул журнал. Даня поднял его, поправил платок на плечах женщины. Та, на минуту приоткрыв глаза, благодарно улыбнулась.

– Долго еще лететь?

– Часа полтора.

– Вот и хорошо, подремлю еще немного, – пробормотала уютно устроившаяся в кресле Елена Петровна – Елена прекрасная, Великая Елена, как за глаза ее все называли. Она предложила перейти в свою группу, когда ему было двенадцать лет. Стать учеником Елены Ольшанской – заветная мечта многих фигуристов. Это означало выход на финишную прямую, реальную возможность осуществить самые честолюбивые устремления. Быть лучшим, стать первым в мире – вот цель, которую она ставила перед своими учениками и, как правило, добивалась этого. Года через два у них появились впечатляющие результаты, его заметили в Федерации. Наступил новый этап в его жизни – жизни в Большом спорте.

Воспоминания прервала хорошенькая стюардесса. Лучезарно улыбаясь, громким голосом на трех языках она объявила о скорой посадке. Пассажиры оживились, засуетились, заговорили радостно и громко.

В Москве было пасмурно и нестерпимо душно. Приехавшие за Никитой Андреевичем дочь и зять заявили:

– Так и знайте, раньше, чем через неделю, мы отца не отпустим. Внуки почти год видят деда только по телевизору. И вы приезжайте к нам на выходные. В лесу грибов!..

И они прямо из аэропорта поехали на дачу.

Елену Петровну встречал муж, как всегда, с огромным букетом цветов.

Даня отказался от предложения подвезти его домой.

– Зачем вам делать такой крюк? Возьму такси и через полчаса буду дома.

Договорившись о планах на завтрашний день, они распрощались.

Как часто Даня возвращался домой из разных стран – и не пересчитать! Казалось бы, это должно стать обыденным делом, но каждый раз его неизменно охватывало волнение и радостное возбуждение. Удобно устроившись в машине, Даниил сразу прильнул к окну. Не отрываясь, с жадным вниманием глядел он на широкие московские улицы, находил перемены, радовался до боли знакомым и любимым местам.

На полдороге к дому их нагнала гроза.

– Повезло вам, успели приземлиться до дождя, – обратился к Даниле водитель такси. Всю дорогу он пытался разговорить прилетевшего из Америки пассажира, но тот отвечал так

неохотно и так невпопад, что пришлось оставить эти попытки. Включив дворники и сделав погромче музыку, водитель обиженно замолчал.

Машина мчалась уже по набережной Москвы-реки. Даню почему-то всегда привлекал и тревожил вид Москвы во время грозы. Широкие тротуары по обоим берегам реки были совершенно пусты, посвежевший воздух наполнялся запахом травы и цветущей вдоль дороги сирени. Потемневшее небо с лиловыми облаками опустилось совсем низко. Сонная, ленивая река налилась силой, преобразилась. Сердце Дани сжалось от щемящей боли: ему казалось, что весь этот необъятный, омытый дождем мегаполис принадлежит только ему и лишь одному ему известны самые сокровенные тайны города.

Впереди показалось здание высотки на Котельнической – считай, приехали.

Глава 2

– Данька! – с визгом бросилась на шею брату Ольга. – Какой же ты молодчина! Сдержал обещание, приехал вовремя. Для мамы это лучший подарок.

– Дэничка! – выбежала на шум Светлана Александровна. – Я уже и надеяться перестала. Пойдем скорее, все уже давно собрались, – со счастливыми слезами на глазах целовала она сына.

За празднично накрытым столом сидели друзья семьи – сегодня была годовщина родительской свадьбы. Его появление встретили громкими возгласами:

– О! Сокольничек прилетел! Дэнька, давай сюда!

– Молодец, внучек, уважил родителей, – пытался встать из-за стола дед, запутался в длинных фалдах скатерти и плюхнулся назад. – Эх, чтоб тебя! – от нетерпения и досады на свою немощ у него затряслись руки. – Да что у вас за мебель такая, нормальному человеку ни стать ни сесть! – его голос тонул в общем возбужденном гуле голосов.

– Мы ведь тебя еще не успели поздравить с победой! Так держать! Садись сюда, рассказывай! – тянулись с объятиями гости. На разгоряченных лицах широкие улыбки, блестящие глаза, по всему видно – гуляли давно и с размахом. «Умеет матушка устраивать праздники!»

Данила помог деду выбраться из-за стола, крепко обнял его. Похлопывая по худенькой спине, приговаривал:

– Дед, ты полегче, ручищи-то как железно!

– Есть, есть еще силушка в жилушках, – от радости и волнения Александр Иванович покраснел так, что у него выступили слезы.

Зная о его нежной привязанности к внуку, гости привычно подтрунивали:

– Ну вот! Встретились друзья-товарищи! Дождался дед своего Данилушку! Ишь, какое знатное имя придумал для своего любимчика!

– Имя – что надо! – радостно отшучивался дед. – Сами посудите: он у нас Дэниел и Даниил, и Даниель, и Даня, а друзья еще называют его Соколом, Данилой-мастером и просто мастером. Не всякий таким богатым имечком может похвастаться!

– Да отлепитесь вы друг от друга, наговоритесь еще, – суежилась вокруг отца Светлана Александровна. – Садись, пап, покушай. Ты ведь толком ничего не ел.

– Не хотел и не ел. А вот сейчас выпью рюмочку и поем в свое удовольствие. Так-то, – довольный дед с достоинством уселся на свое место и придирчиво оглядел стол: – Ты мне салатов не накладывай, давай картошечки, и что там у тебя из горячего. – Александр Иванович хорошо знал: дочь любит его, жалеет. Вредничал больше для порядка, чтобы чувствовалась в доме мужская рука.

«Зять человек хороший, да больно мягкотелый», – привычно обратился он мыслями к своей жене. Покинула она его уже больше двадцати лет назад еще молодой. Умерла, так и не родив ему желанного сына.

«Дочке с ним хорошо», – возразила Маруся. Александр Иванович даже удивился – жена и в земной жизни спорила с ним редко.

«Может, рядом с такой женщиной и удобно, но все равно – неправильно, – не согласился он. – В доме должен быть настоящий мужчина. А с этого, интеллигента бородатого, нечего и брать, да и родители у него такие же чудачки, хотя, конечно, люди неплохие – образованные, смирные. Откуда у них только фамилия такая знаменитая – Соколовы? Или предки были боевыми, а уж потом род поизмельчал? Хорошо, что Дэнька не в их породу! Нет! Мужик и по стати, и по характеру. С ним Светлане повезло».

Жена молча согласилась.

Александр Иванович незаметно для всех погладил жесткими пальцами руку дочери, сказал мягко:

– Не сыпь много картошки! И сама посиди, поешь – вся избегалась! Пусть Ольга похозяйничает.

Светлана Александровна села так, чтобы сын всегда был в поле ее зрения. Она ловила каждое его слово, каждый взгляд, каждый жест. Ей нравилось, когда в доме много людей, но сегодня, как никогда, хотелось, чтобы все поскорее ушли, и она осталась бы с сыном наедине.

Даниил, хорошо понимая состояние матери, несколько раз подходил к ней, целовал руки, пытался поговорить. Но куда там! Тотчас же к ним кто-нибудь подсаживался, начинал его тормошить, расспрашивать, рассказывать о своем. Светлана Александровна только вздыхала.

– Дэнъ, иди сюда, у нас здесь мальчишник, – позвал сына Сергей Николаевич. В маленькой комнате собрались его товарищи по бывшей сборной – все они в свое время занимались легкой атлетикой. Пятеро верных друзей уютно расположились на небольшом диване. В центре, как всегда, с гитарой в руках, Вячеслав.

– Эх, Данька, счастливый ты! Стать чемпионом мира – с ума сойти! Рады за тебя, будто сами завоевали золото.

– Молодцом, Сокольничек! Мы столько лет пахали на королеву спорта, а не сподобились такой чести. И все равно считаем, нам повезло – узнали, что такое большой спорт, вдоволь напились этой сладкой отравушки, – продолжил Константин. – Вот, вроде бы, и труд каторжный, и дикое напряжение перед соревнованиями, и травмы, и обиды... А сейчас вспоминается только хорошее – гимн, поднимающийся на флагштоке флаг, комок в горле. Кажется, это были лучшие годы в нашей жизни.

– Радость, столько радости... кажется, конца ей не будет, – добавляет отец.

– Ну да, девчонки, и все такое... – мечтательно произнес Олег, потирая лысину. – Помните, как тогда говорили: кто оденет «Адидас», тому любая... в общем, на все сил хватало, – остановил он себя, взглянув на Даню. Все невесело рассмеялись.

– Да если бы твоему отцу Валька Игнатьев на соревновании не порвал ахиллу, быть бы ему чемпионом!

– Ну, не нарочно же он наступил шиповкой на ногу! Что теперь вспоминать! – вздохнул Сергей Николаевич. – Слав, давай нашу.

Вячеслав взял несколько энергичных аккордов – все встали, обнялись и негромко начали:

– Спорт – это жизнь, целая жизнь!..

Исполнение этой песни в доме стало уже ритуалом. Сколько бы раз друзья ни собирались вместе, всегда пели ее вот так: сдавленными голосами, со слезами на глазах. В такие моменты отец и его товарищами казались Даниле мальчишками, он чувствовал себя едва ли не старше их. Как и в прежние времена, жизнь в большом спорте требовала самоотречения, подчинения всех своих интересов только одному – стать лучшим из лучших. Жестокая и прекрасная, часто несправедливая, заполненная тяжелым трудом, победами, поражениями, она постоянно требовала огромного выброса адреналина, захватывала почище любого наркотика.

За двадцать лет многое что изменилось, для романтики осталось не так уж много места. Большой спорт сейчас – это прежде всего большие деньги.

И все же: «Спорт – это жизнь, целая жизнь! – подхватил Даниил. – И даже немного больше!»

Друзья на минуту разомкнули руки и, обхватив плечи Дэна, включили его в свой круг.

Услышав знакомые слова песни, Светлана Александровна переглянулась с дочерью: как правило, ее пели уже «под занавес». Действительно, очень скоро мужчины с тихими, размяченными лицами вышли к столу. Поговорив еще о том о сем, выпили на посошок, засобирались и стали потихоньку расходиться.

Проводив гостей, Даня с матерью вышли на балкон. Над городом снова нависли тяжелые тучи, но было почти светло – что значит июнь.

– Помнишь, ты в детстве любил смотреть, как здесь в дни парадов шла военная техника? – улыбнулась Светлана Александровна. Вгляделась в его лицо и забеспокоилась: – Сынок, очень устал? Мне кажется, ты похудел, вон тени какие под глазами!

– Да что ты, мамуль! Набрал полтора килограмма, придется сбрасывать. Подустал конечно, но ничего. Скину экзамены и буду отсыпаться.

– На даче? – вопрос прозвучал как утверждение.

– Конечно, на даче, – успокоил ее Данила. Не стоило сейчас маме говорить о своих планах.

– Душно-то как! Ночью, наверное, опять будет гроза. Ну, ступай спать, – попыталась твердо сказать Светлана Александровна. Но было ясно, как ей не хочется отпускать от себя сына. Как хорошо они знали друг друга!

– Давай еще немного постоим.

Даниил привычно поцеловал ее волосы у виска. Облокотившись на балконные перила, они молча смотрели на ночной город. То тут, то там вспыхивали зарницы, и тогда на фоне оранжеватого неба отчетливо виднелся силуэт кремлевских башен. Спать улеглись далеко за полночь.

Глава 3

У Маргарет сегодня было как никогда много пациентов. И хотя детей на прием записывали заранее, в небольшом холле собралась очередь. Мэген работала в этой небольшой клинике больше десяти лет. Она обожала свою работу. Мечтала стать детским врачом еще в школе, последовательно прошла все ступени подготовки к профессии – колледж, университет, ординатура.

Работа ее никогда не утомляла. Маргарет любила детей и с неизменным интересом принимала каждого ребенка.

Порой в маленьком, двух-пятилетнем мальчугане или девочке она ощущала силу духа взрослого человека. Чувствуя и уважая индивидуальность каждого ребенка, Мэг всегда считалась с характером и привычками своих пациентов.

Дети отвечали ей тем же. Даже если кто-то из них за дверями кабинета капризничал, увидев ее, переставал плакать. Их дальнейшее общение проходило в обстановке взаимопонимания и взаимоуважения.

Глядя на них, Мэген часто вспоминала строки из стихов своего любимого русского поэта Александра Блока: «...мудрые, как дети». Маргарет читала его в подлиннике, без перевода. Любовь к Блоку привил ей отец Грегори Уинкли, профессор филологии. Его коньком была русская поэзия конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Отец никогда не настаивал, чтобы Мэгги изучала этот язык, но ей нравилось толкаться среди студентов, изучающих русский. Вместе с ними она слушала привезенные из России записи песен и стихов, пыталась читать русские книжки.

За последнее время в Калифорнии появилось много выходцев из бывшего Союза. Они охотно приводили своих детей к хорошему педиатру, к тому же говорящему на их языке. Вот и сейчас на приеме русскоговорящая семья. Родители изъясняются больше жестами, зато дочка пытается говорить по-английски – дети всегда быстрее адаптируются к новой среде. Мама вопрошающе смотрит на врача.

– Ну вот, теперь все в полном порядке, – с улыбкой обращается к ней Мэген.

– А мороженое можно есть? – серьезно спрашивает девочка.

– Нужно, – также серьезно отвечает Маргарет.

Все облегченно рассмеялись, посетители покинули кабинет, но тотчас же в дверь просунулся смуглый с веселыми карими глазами мужчина.

– Мы очень признательны вам за помощь и внимание. В знак искренней благодарности позвольте преподнести этот скромный сувенир, – он достал из пакета большую бутылку в соломенном чехле.

– Нет-нет, – Мэг категорическим голосом и жестом попыталась отказаться от подарка. – Я почти не пью вина.

– Ай, дорогая, зачем так говоришь! Такого вина ты никогда не пробовала! Сейчас его могут делать только несколько человек в Сванетии. Умрут они – и все, одним чудом на земле будет меньше! Старикам некому передать свои секреты: молодые не хотят жить в горах. Все торопятся жить, все хотят иметь сразу много денег. А такое вино не терпит спешки. У него своя особенность, секрет, можно сказать. Выпьешь, красавица, сама все поймешь, вспомнишь меня – благодарить будешь!

– Спасибо, но я не могу принять вино, – нетерпеливо перебила его Мэген, беря трубку звонившего телефона. Настойчивый посетитель, заговорщически подмигнув медсестре, поставил бутылку на стол и тихонько выскользнул за дверь.

– Уф, думала, сегодняшний день никогда не закончится, – устало откинувшись на стул и обмахиваясь журналом, произнесла Рэчил, медсестра. – Смотри-ка, этот русский папаша оставил-таки тебе свое вино.

– Это была грузинская семья. От их подарков просто невозможно отказаться. Тебя подвезти?

– Нет, спасибо. За мной должен заехать Дональд, – Рэчил подошла к окну и помахала рукой. – Бедняга! Стоит на своем месте, на таком солнцепеке. Отсюда видно: весь мокрый от жары. Взгляни на него: сияет, как медная пуговица, не налюбуется на свою новую игрушку. Если бы он тратил на меня столько времени, сколько тратит на свой мотоцикл!

– Да ладно тебе прибудняться. Куда вы собираетесь? На пляж?

– Нет, прямо отсюда поедем к его приятелям: у них шикарный дом на побережье.

– Счастливые! А мне все выходные придется проторчать дома – у Ника в понедельник самый ответственный экзамен.

– На каком он курсе?

– Уже на третьем.

– Здорово! Не успеем оглянуться, Николас тоже станет врачом. Он ведь учится в том же университете, что и ты?

– Да, сам так захотел, я на него не давила. Ну что, на свободу?

После прохладного кабинета уличная жара показалась особенно нестерпимой. Вот уже пятый день она истязала жителей города: столбик термометра не опускался ниже +35 °С. Включив кондиционер, Мэгги постояла несколько минут в тенишке: дожидалась, когда воздух в раскаленной на солнце машине не станет чуть прохладней.

Ехать по улицам, запруженным машинами, было мукой. Естественно, вечер, пятница – все старались улизнуть из задыхающегося от жары города. Над асфальтом поднималось марево раскаленного воздуха. Казалось, что только стоящие по обеим сторонам дороги пальмы радуются неистовому солнцу. Протянув свои растопыренные зеленые лапы, они были похожи на красивых девушек-африканок, которым любая жара нипочем – только ярче солнечные блики на глянцевої коже и в антрацитовых глазах. Приходилось не столько ехать, сколько стоять в бесконечных заторах.

Стоя в очередной пробке, Маргарет позвонила по мобильному сыну, предупредила, что задерживается. Услышав мягкий, тихий голос Ника, немного успокоилась и улыбнулась про себя: у нее вырос хороший мальчик. Взглянула на его фотографию, вставленную на передней панели кабины. Вздохнула: до чего похож на своего отца! Те же светлые волосы, легкая стройная фигура, та же манера общения, обаятельная улыбка. Всем этим когда-то покорила ее Марк.

Он был журналистом и работал на местном телевидении. Спортивный, эрудированный, элегантный, он нравился всем, понравился и ее родителям, и подругам. Все считали их идеальной парой, но брак оказался непродолжительным.

Они расстались без обид и претензий друг к другу. Оказалось, их жизненный ритм совершенно не совпадал. Марк вечно был в делах, он даже завтракал с телефонной трубкой в руке. В доме постоянно находилось множество нужных или просто интересных, так что все равно нужных ему, людей. Эта постоянная сутолока, пестрый калейдоскоп событий выводили Мэг из душевного равновесия. Она долго не хотела признать, что ей стало трудно выносить не только окружение Марка, но и его самого, как источника всей этой круговерти.

Им повезло – Марку предложили поработать на одном из престижных телеканалов в Нью-Йорке. Первое время он часто навещал их. Каждый раз при встрече с бывшим мужем Маргарет испытывала чувство неловкости. Снова и снова корила себя за то, что ей не хватило терпения, воли для сохранения семьи. Кроме того, даже непродолжительное общение с Мар-

ком ее утомляло: ей было не по себе от того, что она так плохо переносит этого, в общем-то, симпатичного человека, отца своего ребенка.

Со временем посещения становились все реже, оставались только телефонные звонки. А через два года Марк сообщил, что женится и уезжает жить в Европу. Их отношения постепенно сошли на нет, чему Маргарет была несказанно рада...

Наконец-то ряд впереди стоящих машин дрогнул. Облегченно вздохнув, Мэг отмахнулась от воспоминаний. Ловко пристроившись за шустрым «ниссаном», удачно миновала несколько перекрестков и свернула в свой квартал. Здесь поток машин был значительно реже. Небольшие дома утопали в зелени, и казалось, что жара ослабила свою хватку. Редкие прохожие выглядели значительно веселее, чем в центре города.

Поставив машину в гараж, Мэг с сожалением оглядела небольшой, разбитый у дома цветник. Трава местами пожухла, цветы поникли и будто утратили часть своих красок. «Надо сказать Нику, чтобы вечером побольше полил газон», – подумала Маргарет.

В этот дом они переехали совсем недавно, после смерти отца. Годом раньше из жизни ушла мама, тоже из-за болезни сердца. Маргарет любила родительский дом. В его удачно спланированных, с хорошим интерьером комнатах ощущалась атмосфера уюта, присущая добрым, старым домам.

Многие соседи знали Мэгги еще девочкой и были рады ее возвращению в отчий дом. Николас быстро познакомился со сверстниками. Впрочем, у него никогда не возникали проблемы с общением. Обладая приятной внешностью и мягким, покладистым характером, он моментально обрастал приятелями, где бы ни находился.

Мэг заглянула в комнату сына. Он лежал на диване, обложенный учебниками.

– Ты не голоден?

Ник, соорудив жалобную физиономию, вскинул на мать тоскливый взгляд.

– Нет, не голоден. А вот кофейку бы выпил с удовольствием.

Маргарет, взяв его за уши, поцеловала в нос, на минуту прижала его голову к себе и нарочито строгим голосом спросила:

– Во сколько ты приходил домой все это время? А теперь не грех и потрудиться.

Спустившись вниз, приготовила кофе сыну и себе. Оба любили кофе по-восточному. Слегка обжарив зерна, измельчила их в старинной, ручной кофемолке, залила холодной кипяченой водой и поставила на плиту. Поверх турки появилась пышная шапка пены. Маргарет отнесла исходящий ароматом напиток сыну.

– Посиди немного со мной, – Ник задержал руки матери, целуя, как обычно, сразу обе ладони. У них всегда были доверительные отношения. Маргарет никогда не отмахивалась от его проблем, ссылаясь на занятость. В детстве он поверял ей свои маленькие мальчишеские тайны и теперь мог сказать ей все или почти все, зная, что всегда найдет сочувствие, понимание, получит ненавязчивый совет.

Поговорив с сыном, Маргарет прошла в гостиную. С томиком стихов устроилась в большом кресле у окна. В очередной раз произошло обыкновенное чудо: забылись все дневные заботы, исчезла, будто и не было, тропическая жара. По пустынным улицам гулял студеный ветер, снежная завеса объединила землю и небо.

– «Твой голос слышен сквозь метели, и звезды сыплют снежный прах. Ладьи ночные прилетели, ныряя в ледяных струях...» – Мэген читала Блока вслух, полупшепотом, упиваясь музыкой стихов и магнетизмом простых слов. В своем рифмованном сочетании они казались зашифрованным, тайным посланием. Вот-вот через тонкое кружево строк проступит грозное пророчество или простая, как взгляд ребенка, истина...

Глава 4

Даня проснулся от ощущения, что ему нечем дышать. Как после длительной пробежки, гулко, с перебоями билось сердце. За окном бушевала гроза. Всполохи молнии осветили комнату так ярко, что он без труда смог различить стрелки на циферблате часов – два часа ночи. Совсем близко прозвучал оглушительный раскат грома, дождь припустился пуще. Звук набирающего силу ливня напоминал гул водопада. Под порывами сильного ветра тревожно шумели, будто стонали и жаловались, деревья.

Даниель провел ладонью по лицу, покрытому испариной, выровнял дыхание. Прикрыв глаза, попытался вспомнить, что ему приснилось, но в памяти оставались лишь отдельные обрывки сна, да ощущение значительности и необычности происходящих там событий.

Стоп – ему удалось зацепиться за краешек ускользающего из сознания видения, и перед глазами, как при мгновенной вспышке света, возникла молодая пара в почти одинаковой, ниспадающей светлой одежде. Они горячо и настойчиво просили кого-то... О чем! Ах да! Они любят друг друга, хотят быть вместе, но для этого им почему-то необходимо заручиться поддержкой своих Наставников. Да, именно Наставников...

В последний раз, уже где-то очень далеко, глухо пророкотал гром. Ровный шум стихающего дождя, тихий шорох листьев старой березы, касающейся своими ветками окна, успокаивали и убаюкивали. Прислушиваясь к звукам удаляющейся грозы, Даниил погрузился в странное состояние полусна-полуяви. Он снова увидел небольшой, равномерно освещенный зал и сидящих за прямоугольным столом людей – троих мужчин и женщину. Их внимание обращено к молодой паре.

Они стояли чуть поодаль, на небольшом, в одну ступеньку, возвышении. В потоке ослепительно яркого белого света невозможно увидеть их лица. Но Даня всем сердцем сочувствовал, любил их, как любили их и эти четверо. Это он точно знал.

– Ваш союз предопределен, но мы просим отложить ваше бракосочетание на некоторое время, – поднялся со своего места мужчина, с виду старший по возрасту и по положению.

Данилу охватило странное ощущение двойственности и внутри, и вне происходящего: он помнил, что все это уже видел. И еще, как бы извне, пришло понимание, что слово «брак» лишь условно отражает суть отношений, подразумеваемых присутствующими. Истинный смысл этих отношений – куда более емкий, многогранный и пока не постижимый для него.

– От вашего решения может зависеть судьба целого мира! Если в ближайшее время там не произойдут радикальные перемены, он будет изолирован и погибнет. Вы и связанные с вами в нисходящих Реальностях альтернаторы способны предотвратить катастрофу. Взгляните: здесь представлены их пространственно-временные координаты и наиболее вероятные варианты развития событий.

Все обратились к сверкающим в воздухе знакам. Они следовали один за другим, складываясь в изумительной красоты орнамент.

– Как видите, время очень ограничено, препятствий множество, а степень взаимопроникновения ваших судеб необычайно велика: все, что случится с одним из вас, неизбежно отразится на других.

Наставник говорил не спеша, словно раздумывая и с трудом подбирая слова.

– Каждый из живущих там должен сознательно сделать главный в своей жизни выбор – принять Великий Дар или отказаться от него. Если вектор ваших устремлений совпадет, миссия окончится успехом, уникальный мир будет спасен, и вы сможете без промедления совершить совместный Переход. Неудача же надолго отдалит ваши планы. В любом случае, право выбора за вами. Если вы согласитесь помочь, следует..

Что именно следует сделать, Даня не услышал. Он еще видел постепенно отдаляющийся зал, но переставал понимать, о чем говорят присутствующие. В самый последний миг, перед тем как стелющаяся туманом завеса окончательно все не скрыла, к нему обернулась девушка. Даниил ясно увидел ее лицо – лицо то ли девочки, то ли женщины, то ли ангела. Созерцать это лицо хотелось бесконечно долго, но он с отчаянием понимал, что не в силах ухватить все подробности этого изумительного образа. Запомнились только звездные, сияющие, цвета земной травы глаза и их непередаваемо сложное выражение то ли радости, то ли печали, то ли ожидания, то ли вопроса. Взгляд этот остался в памяти и после пробуждения.

Пытаясь осмыслить увиденное, Даниель еще долго приходил в себя. Ему и раньше снились яркие, странные сны, но «фактура» этого видения была совсем иной. Самым удивительным было осознание того, что все виденное – это грубый, наскоро слепленный список реальных событий, происходящих в другом, неизмеримо более сложно устроенном мире. А главное, события эти самым непосредственным образом относятся к нему.

Резкий звонок будильника окончательно разбудил Данилу. Несколько минут он постоял под прохладным душем. Сделав обычный разминочный комплекс упражнений, приступил к завтраку. Привычные действия быстро возвратили его к действительности. Зазвонил телефон.

«О, первая ласточка! И как это они узнают, когда я возвращаюсь в Москву?»

– Салют, Сокол! Явишься сегодня на экзамен? Мы тебя ждем, – тараторил в трубку Мишка Звягинцев. – Девчонки надоели с вопросами, когда ты приедешь. Ты как, готов?

– Более или менее, кое-что успел просмотреть.

– Молоток! Мастер – всегда мастер: везде успеваешь. После экзаменов намечается грандиозная программа по снятию стресса, так что готовься, старенький!

Даня учился на третьем курсе заочного отделения Финансовой академии. Конечно, Сергею Николаевичу хотелось, чтобы сын продолжил традицию и поступил в МГУ, где когда-то учился сам. Но оба понимали, что на серьезную подготовку в университет нет времени. Выбрали институт с необременительной оплатой: учась по заочной системе, можно было получить необходимые знания, а главное, диплом государственного образца.

После первого, один за другим последовал еще ряд звонков: от мамы – ждать ли его к ужину; из Совета Федерации по фигурному катанию – необходимо заглянуть туда вместе с тренером; звонили друзья, подружки.

На Данилу наваливался обычный день со своими заботами, радостями, ожиданиями. И в этом дне не было места пугающим своей значимостью, чужим для него самому понятиям «иная реальность», «ограниченное сознание» и прочей дребедени. Выйдя с чашкой недопитого кофе на балкон, Даня в последний раз, уже с усмешкой, вспомнил ночное видение: «Что за альтернаторы такие, о каком Даре толковал похожий на Никиту дядька? Брать или не брать – вот в чем вопрос! Приснитесь же такое!»

Все свои двадцать два года Даниил Соколов прожил здесь, в доме на Краснохолмской набережной. Он побывал во многих странах, но всегда скучал по Москве, по этой неторопливо текущей реке, по открывающейся с балкона панораме просыпающегося города. Сегодняшнее летнее утро раскрасило нежно-розовым цветом все дома, улицы и воду в Москве-реке. Еще очень рано, но скоро на ней появятся первые речные трамвайчики с громкой музыкой и с беззаботными пассажирами. Это всегда навевало атмосферу праздничной легкости.

Прямо над головой, со свистом рассекая воздух, промчалась пара стрижей. Даня взглянул вверх: на бледно-голубом небе ни облачка, от ночной грозы и следа не осталось.

– Эх, денек выдается на славу!

Допив кофе, он в последний раз с сожалением бросил взгляд на реку и покинул балкон. Оставалось еще немного времени, чтобы почитать конспекты. Даня пробежал глазами несколько недочитанных лекций. «Так, это я пропущу – авось, пронесет, это я почти знаю...

и хватит, пожалуй, на сегодня». С легким сердцем он захлопнул тетрадь, забросил ее в спортивную сумку вместе с зачеткой и привезенными сувенирами.

Выйдя из подъезда, Дэн привычно нацепил на нос темные очки – его теперь узнавали на улицах, просили дать автограф, пытались познакомиться. Время, когда это нравилось ему, давно миновало. К метро Даня пошел привычной дорогой: через дворы по крутому склону холма, на котором, как опята на пне, стояли дома довоенной постройки. Сколько здесь было потаенных закутков!

Сейчас многое изменилось – район Таганки считается престижным и дорогим местом. У многих домов появились новые, нарядные фасады. Открылись рестораны, кафе, возобновилась жизнь в недавно заброшенных храмах.

Справа сияли купола Ново-Спасского монастыря. Небольшой прудик у его стен когда-то был одним из самых излюбленных мест ребятни. Весной и летом они простаивали здесь с самодельными удочками, вылавливая головастика и крохотных рыбешек. Зимой пруд замерзал почти на всю глубину, получался отличный каток. С какой завистью он смотрел на гоняющих шайбу пацанов! Ему никогда не хватало времени на уличные забавы – все силы, устремления, надежды были отданы спорту и балету.

Ох, как мальчишки доставали его с танцами! Даня улыбнулся, припоминая обычную картинку своего возвращения из школы. Заметив его, кто-нибудь из ребят обязательно звал:

– Сокол, пойдём, покидаём шайбу!

– Не могу, у меня завтра выступление.

– Куда ему в хоккей играть, эта игра для мужиков, а он может только ногами дрыгать в девчачьих колготках! – как всегда, начинал Звягинцев. – Не дай Бог, кто-нибудь толкнет его или клюшкой поддаст – у мальчика синички останутся!

– Ну, Мишка! Дал бы тебе разок, да у меня завтра спектакль в школе.

– Иди, иди! Тебе надо побережечь свое личико, вон оно у тебя какое беленькое!

Каких усилий ему стоило сдерживать себя, не затеять драку, уйти под громкое улюлюканье мальчишек. После очередной встречи с ними решил: все, баста! Тренер тоже постоянно намекает: надо прибиваться к одному берегу. Поговорю с родителями и завтра же распрощаюсь с балетом!

Прощание в школе получилось совсем не таким веселым, как ему представлялось. Было жалко расставаться и с одноклассниками, и с преподавателями, принятое решение уже не казалось таким правильным, себе он казался просто предателем. К дому подходил в ужасном настроении. А тут ребята, как всегда, со своими приколами.

– Эй, артист! Как там твоё выступление? Может, и нам что-нибудь изобразишь типа фу-э-те? Я тоже могу встать в третью позицию! – начал Мишка и под общий смех принялся кривляться, немисливо выворачивая руки и ноги.

Тут на него и нашло: не говоря ни слова, снял с плеча сумку и со всего размаха ударил обидчика. А потом спокойно смотрел, как прямо на глазах у того разбухает нос и на снег медленно, как в кино с замедленными кадрами, падает тяжелая алая капля. Все только ахнули. Мишка, вытаращив глаза, схватил себя за нос и закричал:

– Ты что, озверел? Ну, Данила-мастер, щас получишь, мало не покажется! Не боишься, что я раскрашу тебе твою физиономию?

Хотя Мишка и угрожал, выглядел он таким растерянным, что все невольно заулыбались.

– Побереги свою! Я ушел из балетной школы, так что не советую больше говорить на эту тему, понял?

– О, давно бы так! – удовлетворенно кивнул головой Михаил. – А нос – ничего, заживет. Давай к нам, в тридцать шестую! Все стоящие пацаны учатся у нас!

Даня усмехнулся. Кто бы тогда мог подумать, что Мишка Звягинцев станет классным нападающим в ЦСКА, сокурсником в институте и его лучшим другом.

Девчонки из группы встретили Даниеля в вестибюле и сразу же набросились на него с вопросами. Подоспевший, как всегда вовремя, Михаил умело отгеснил их.

– Девочки, сначала дело, после экзамена мы все-все в вашем распоряжении.

Мишка умел делать все легко и непринужденно. Несмотря на неказистую внешность, он всегда пользовался вниманием девушек. Про таких говорят: не красавец, но мужик. Впрочем, его удачная спортивная карьера в этом деле, по-видимому, играла не последнюю роль.

– Сокол, беги скорее в двадцатую аудиторию, я уже договорился с Пал Палычем, он поставит тебе зачет автоматом, а потом напрямик сюда: мы забили очередь, пойдем на экзамен первыми.

Преподаватели, хорошо понимая, какво совмещать большой спорт с учебой, с готовностью шли Даниле навстречу. И сегодня ему без особого труда удалось скинуть два зачета и экзамен по основному предмету.

После института все завалились к Вике. У нее, вернее, у ее вечно отсутствующих родителей была просторная квартира в центре. Вволю порезвившись в домашней обстановке, махнули в недавно открывшийся ночной клуб: оглушительно громкая музыка, дикий ритм танцев, яркие блики цветных огней... В голове – ни одной мысли, зато напряжения как не бывало.

– Пойду на минутку глотнуть свежего воздуха! – прокричал в ухо своей подруге Даниель. С трудом пробравшись через толпу танцующих, вышел на улицу.

Прохладный, тихий вечер был так хорош, что он решил больше не возвращаться в душный грохочущий зал. Захотелось побыть одному, он не спеша побрел в сторону Воробьевых гор.

Там было еще довольно многолюдно. Даня свернул на одну из университетских аллей. Здесь было темно и тихо, через несколько минут стало казаться, что он один в этом огромном городе.

Сама собой всплыла и тихо зазвучала в голове мелодия из новой программы. С ней получилось так чудно: им с Никитой почти одновременно пришла идея создать танец на тему средневекового рыцарства. Отвага, благородство, честь – роскошный материал для хореографа и исполнителя. Друзья Никиты прислали из Лондона диск с записями старинной музыки. Одна песня точно подходила под задумку – это переложение саги о короле Артуре, написанной в тринадцатом или четырнадцатом веке.

«Тринадцатый век – какая даль! С другой стороны, недавно взялся перечитать рыцарский роман – мысли, чаянья, поступки людей кажутся такими понятными и близкими. Не оставляет ощущение, что та жизнь не исчезла бесследно, все эти люди существуют где-то рядом, вроде как в дальнем зарубежье. Вообще, странная штука время», – раздумывал Даня. О его парадоксах часто говорилось в доме. Квантовая физика – несостоявшаяся любовь отца. Он мог часами рассказывать об открытиях в этой области. С некоторых пор Даниил тоже проникся к ней интересом; заморочки квантовой механики казались занимательней любой фантастики. Взять хотя бы гипотезу о том, что во вселенских масштабах время – величина не векторная, а скалярная, то есть все события во Вселенной происходят одновременно. Время имеет направление только в мире относительности!

Трудно представить, как такая мысль пришла в голову человеку. Может, прав английский ученый, Пенроуз, кажется, утверждающий, что новые знания об устройстве мира появляются только по воле Высшей силы.

Даня запрокинул голову, всматриваясь в небо. Там мерцали неяркие еще звезды. На газонах, разбитых перед главным зданием университета, сияли огромные белые ромашки, тоже казавшиеся звездами, рассыпанными по земле. Они источали слабый терпкий запах. Подумалось: может, вовсе и не от цветов, а от звезд исходит этот кружащий голову аромат.

Вдруг совершенно отчетливо вспомнилось лицо той зеленоглазой, что смотрела на него во сне то ли с ожиданием, то ли с радостью, то ли с вопросом.

«Неужели действительно на земле существует ОНА – женщина, предназначенная только для меня, и теперь она где-то томится и ждет меня одного?» – от этих мыслей на сердце стало радостно и тревожно.

«А вдруг мы никогда не встретимся, разминемся?! Где и когда может произойти эта встреча, узнаем ли мы друг друга, и не обман ли это – ожидать ту единственную, ради встречи с которой стоило являться на этот свет, трудиться, надеяться, побеждать?»

Данилу охватило странное возбуждение. Он ощущал себя как никогда значимым, сопричастным к чему-то тайному, неизведанному, почувствовал свою принадлежность вечности, своего неодионочества. Сердце было полно ожиданием встречи со своей судьбой. Он был готов к ней.

Глава 5

Конь с разбегу вступил в реку. Рассекая широкой грудью воду, он пофыркивал, прятал ушами и временами косился на хозяина. Тот, отлично зная его повадки и привычно доверяя ему, не понукал коня. За состояние боевого снаряжения путник тоже не беспокоился: отлично подогнанное и прошедшее многочисленные испытания в разных переделках, оно прочно занимало свое обычное место.

Противоположный берег реки оказался довольно крутым, к тому же непрекращающийся целый день дождь основательно размыл его склоны.

Всадник слез с коня и взял его под уздцы. С трудом преодолев препятствие, он оглядел себя и своего друга. Покачал головой:

– Ну и вид у нас! Не хотелось бы такими чумазами являться в порядочный дом.

Очистив с высоких сапог налипшую грязь, принялся было за плащ, но, поняв всю тщетность этого занятия, решил оставить его до лучших времен. Вздохнув, легко вскочил на коня и продолжил путь.

Поместье, куда направлялся путник, принадлежало его другу, старому боевому товарищу, отчаянному рубаке, храбрейшему и благороднейшему из рыцарей, сэру Эдгару Гарфильду. «Едва ли наш походный вид обескуражит старину Эдгара», – успокаивал себя рыцарь.

Ричард Уэстон принадлежал к небогатому старинному роду. Десять лет назад его родители, да будет земля им пухом, покинули этот свет. Родовое поместье пришло бы в полное запустение, если бы не старания леди Ингрид, жены старшего брата. Его самого не интересовало ничего, кроме охоты. Все тяготы хозяйства лежали на ее плечах. Впрочем, леди Ингрид обладала весьма твердым характером. Она не давала спуска ни мужу, ни своему управляющему: резвый мальчик частенько путал хозяйский кошелек со своим.

Ричарду, как младшему сыну в семье, вообще ничего не досталось. Проведя в сражениях большую часть сознательной жизни, он так и не успел обзавестись приличным состоянием и семьей. Единственной, по-настоящему дорогой вещью, принадлежащей ему, был меч. Он достался в подарок от высокопоставленного византийского вельможи: Ричард вызволил из плена его единственного сына.

Это было больше, чем хорошее оружие. О таких мечах из булатной стали ходили легенды. Считалось, что одни из них появлялись на свет, чтобы защищать, отстаивать справедливость и доброту. Другие несли на себе печать зла. Все зависело от того, с какими мыслями и для кого ковалось это рукотворное чудо. Пропитанный энергией огня и эмоциями человека, меч будто обретал свой характер. Так уж получалось, что он не задерживался в руках владельца, чьи устремления не соответствовали назначению меча. В сражении клинок мог опоясать своего хозяина и возвратиться в исходное положение. Цена такому мечу на Востоке – караван. Для рыцаря, вся жизнь которого проходит в непрерывных сражениях, такой меч бесценен.

Ричард, прервав неспешный поток своих воспоминаний, успокаивающе потрепал коня по шее. Благородное животное увязало в грязи и скользило копытами по раскисшей от дождя земле. Наконец, они выбрались на некое подобие дороги. Конь заметно повеселел и припустился галопом. Стали появляться первые признаки близкого жилья – засеянные поля и небольшие лачуги по их краям. Впереди показались люди. Это были пожилые крестьяне, мужчина и женщина, тащившие вязанки хвороста.

– Далеко ли до усадьбы Гарфильда? – приостановив коня, спросил Ричард.

– Уже совсем рядом. Как только минуете поворот, станут видны башни замка, – махнул рукой старик.

– Вы появитесь там в добрый час, – с улыбкой добавила женщина. – Старшей дочери сэра Эдгара сегодня исполнилось семнадцать лет. Будет пир на славу! Гости съезжаются со всей округи.

Ричард кивнул головой и тронул поводья.

Подъехав к возвышающемуся на небольшом холме замку, он с одобрением осмотрел его мощные стены и укрепления. Все было устроено по всем правилам фортификации. Миновав подъемный мост, перекинутый через глубокий, наполненный водой ров, остановился перед массивными воротами. Они были приоткрыты.

Увидев рыцаря, два стражника широко распахнули их, даже не спросив его имени. Судя по их красным физиономиям, они начали отмечать радостное событие уже с утра. Впрочем, нашитый на плаще крест и такой же знак на флажке копья по-прежнему вызывали уважение к их владельцу.

Внутренний двор был полон людей и живности. Среди мечущейся прислуги сновали собаки и куры, так и норовящие попасться под ноги. К всаднику поспешили сразу двое слуг. Один из них подхватил под уздцы коня и повел к широкой низкой конюшне.

– Не корми его сразу и не давай много пить, у нас был долгий путь! – крикнул Ричард вдогонку.

– Как доложить о вас хозяину? – спросил другой слуга. – Не желает ли distinguished рыцарь немного перевести дух после трудной дороги? – прибавил он, выразительно посмотрев на запачканный костюм гостя.

Немного подумав, путешественник согласился и прошел в небольшую комнату, где ему помогли раздеться. Пока чистили плащ и сапоги, он с удовольствием умыл обрызганное грязью лицо, надел чистую нижнюю рубашку и причесал волосы.

Ричард не успел сделать и десяти шагов по направлению к главному входу, как увидел спешащего ему навстречу друга и соратника. Они крепко обнялись, не разнимая рук, несколько минут молча рассматривали друг друга и снова обнялись.

Время оставило свои следы на их лицах. Сэр Эдгар был всего на десять лет старше гостя. Но множество ран и долгая походная жизнь самым печальным образом сказались на его сегодняшнем облике. Изрядно поредевшие волосы целиком покрылись сединой. Он заметно отяжелел и говорил с одышкой.

– Как же я рад нашей встрече, дружище! Я уже и не надеялся тебя увидеть. Чувствую, недолго мне осталось жить на этом свете, – он отвел протестующий жест Ричарда. – Не смерть меня тревожит. Я честно прожил жизнь, служа своему королю и Англии. Но моему сыну всего четырнадцать лет, старшая дочь еще молода, мы не выбрали ей достойного жениха, который мог бы стать оплотом семьи и полновластным хозяином поместья.

Он повернул к себе лицо Ричарда.

– Сколько тебе лет?

– Осенью будет сорок пять.

– Хороший возраст для настоящего мужчины. – Сэр Эдгар слегка отстранился и внимательно осмотрел его с ног до головы.

Ричард сохранил юношескую стройность. В светлых волосах лишь кое-где виднелись серебряные нити. Взгляд длинных, холодноватых глаз был по-прежнему тверд. Среди друзей он слыл благородным человеком, отличным воином и товарищем, на которого можно положиться в трудную минуту.

Ричард хотел спросить, о чем задумался старина Эдгар, но хозяин, взяв его под локоть, повел в зал. Оттуда слышались громкие голоса, смех и звон бокалов. Сэр Эдгар заметил, что его друг слегка прихрамывает.

– Давно это у тебя?

– Года три. Была совсем небольшая рана, она довольно быстро зажила, но, видно, клинок задел что-то важное, и это иногда дает о себе знать.

Войдя в огромный, освещенный множеством масляных светильников зал, хозяин громким голосом объявил гостя. Все повернули к нему улыбающиеся лица: имя Ричарда Уэстона было хорошо известно домочадцам и большинству присутствующих.

Сэр Эдгар представил рыцаря своей жене, леди Эвене, и младшим детям – прелестной девушке лет пятнадцати и мальчику-подростку. Они были похожи на отца – такие же светло-волосые, с глазами-смородинами и простодушными улыбками.

– А где Оливия? – спросил сэр Эдгар.

– Только что танцевала с Тристаном. Да вот же она, – взмахнула рукой леди Эвена.

Ричард оглянулся. К ним стремительной походкой приближалась девушка. Просторное платье не сковывало ее свободных движений. Перехваченные зеленой лентой каштановые волосы слегка растрепались, прелестное лицо покрыто нежным румянцем... В ней чувствовалась нормандская кровь матери. Девушка открыто и радостно смотрела на отца. «Видно, улыбка – частая гостья на ее губах», – с удовольствием отметил Ричард.

Оливия перевела взгляд на рыцаря, и его сердце дрогнуло: свет зеленых глаз девушки проник ему прямо в душу, пробудив в ней тревогу и неясную надежду. Впервые в жизни он пожалел, что уже так немолод.

В юности Ричард был влюблен в дочку соседа-помещика. У нее были длинные льняные волосы, светлая, бледная кожа и грустные голубые глаза. Они были сверстниками и в детстве частенько играли вместе. Ричард считал ее своей невестой. Они успели дать друг другу обеты верности и вечной любви. Но пока юный рыцарь участвовал в первом в своей жизни боевом походе, девушку выдали замуж. Вскоре до него дошла горестная весть, что его возлюбленная умерла при родах.

Считая ее единственной дамой сердца, Ричард долго носил траур и избегал женского общества. В память о возлюбленной он носил на мизинце бирюзовое колечко – ее прощальный подарок. Последние двадцать лет Ричард провел в непрерывных боях, участвуя в крестовых походах на Святой земле. Он привык к мысли, что в одном из них сложит голову и с сознанием выполненного долга предстанет перед Господом.

Оливия словно заново возродила его. Ричард чувствовал, как тает лед его сердца, радостной силой наполняется тело. Вновь хотелось любить и быть любимым.

Зазвучала музыка, Оливия без всякой робости, улыбаясь, посмотрела на него. Ричард, отвечая на ее вопрошающий взгляд, протянул руку, и они присоединились к танцующим парам.

Как ни странно, в танце его хромота была почти незаметна. Как все юноши благородного рода, в детстве он, наряду с военной подготовкой, обучался изящным искусствам. Танцевать рыцарю доводилось нечасто, и сейчас он самозабвенно предавался этому занятию.

От природы грациозные движения, открытое, благородное лицо, великолепная осанка Ричарда – все вызывало восхищение у местных прелестниц. Собравшись небольшими группками, они с откровенным любопытством рассматривали гостя, перешептывались и, наконец, пришли к выводу, что рыцарь достоин их внимания.

Сам же он не замечал оживления, вызванного своим появлением. Ричард видел только устремленный на него ясный взгляд девушки и желал только одного – чтобы этот танец никогда не кончался. Но музыка очень скоро затихла, и гостей позвали к столу. Ричарда сэр Эдгар посадил рядом с собой, по правую руку.

Столы, покрытые восточными тканями, ломились от всевозможных яств. Вино лилось рекой.

Пили за короля, боевых товарищей, отважных рыцарей, прекрасных дам.

Огонь в огромных каминах разгорался все жарче, яркое пламя отражалось в многочисленных серебряных кубках и в глазах пирующих. Разговаривая с гостями, Ричард ни на минуту не выпускал девушку из виду. Заметив, что та особенно часто танцует со статным рыжеволосым молодым человеком, спросил:

– Кто это с Оливией?

– Это Тристан Кьюбит, сын соседа. Всем бы был хорош жених, да и дочке он, похоже, нравится. – При этих словах у Ричарда потемнело в глазах. – Да вот беда – слишком молод, ему нет и двадцати, – продолжал сэр Эдгар, не замечая смятения на лице своего друга. – Сколько мне еще осталось жить – год, два, не больше.

Вздыхнув, он посмотрел на Ричарда и вдруг, без всякой подготовки спросил:

– Тебе нравится моя дочь?

Положив руку на плечо друга, Ричард ответил:

– На такой прямой вопрос может быть только такой же прямой ответ. Как только увидел ее, понял: нет и не будет для меня на свете женщины ближе и дороже Оливии. Если для меня и возможно счастье на этой земле, то только с ней. Но, знаешь, состояние мое невелико и участия в походах не сделали меня богаче.

Кроме того, не до конца выполнен мой обет. Я обещался до сорока пяти лет участвовать в борьбе за Святую землю и должен в последний раз отправиться в Палестину. До конца этого срока почти целый год.

– Давай это обсудим завтра. У тебя еще есть время на отдых?

– Да, но не больше недели.

– Вот и хорошо. А то у меня от волнения заломило в затылке. Кажется, что голова вот-вот взорвется.

Лицо сэра Эдгара и впрямь стало багровым. Подошедшая к ним леди Эвена, с тревогой глядя на мужа, попросила гостя проводить его в спальню. Ричард так и сделал. Обняв товарища, он тихонько запел старинную песню, сэр Эдгар тут же подхватил ее, и они, обнявшись, покинули зал.

Глава 6

– Ма, тебе уже несколько раз звонила Дези, просила связаться с ней, – сообщил Ник, выглядывая из своей комнаты.

– Спасибо, милый. Чем занимаешься?

– Завтра семинар по физиологии, вот готовлюсь.

– Это под такой-то шум?

Действительно, из комнаты доносились грохочущие раскаты музыки, и они едва слышали друг друга.

– Мне она не мешает, но я сделаю потише.

Послав матери воздушный поцелуй, Ник скрылся за дверью.

Набрав номер телефона Дези, Мэг с наслаждением вытянула ноги.

– Мэдж, ну наконец-то. Целый день нигде тебя не могла застать.

– Мы сегодня побывали в новой клинике доктора Смайса. Столько впечатлений! Новехонькое оборудование, лаборатория – сказка!

– Расскажешь потом, при встрече. Собственно, я по этому поводу и звоню. У нас ничего не изменилось? Встречаемся двадцатого у тебя дома, да? С девчонками я еще созвонюсь, обговорим детали. Все, целую, до встречи!

Дези всегда куда-то спешила и говорила по телефону в телеграфном стиле. Она давно и всерьез занималась своей карьерой: работала в Департаменте здравоохранения и пропадала там с утра до вечера.

– Ну как, состыковались? – полюбопытствовал Ник.

– Да, похоже, на этот раз мы действительно повидаемся. Просто удивительно: живя в одном городе, работая в одной системе, с таким трудом выкраиваем время для встреч. То дети, то срочные дела по работе, то еще что-то. А что это ты прячешь за спиной?

– Это мой сюрприз для вас. Я переснял на видео кадры той старой киноленты, где вы с девочками в колледже. – Николас с детства называл ее подруг девочками. Сначала это принималось как шутка, потом все привыкли, а сейчас высокий, статный Николас общался с ними на равных. – Вы там такие смешные, – широко улыбался Ник, – сейчас вы выглядите гораздо красивее и моложе.

– Давай скорее посмотрим, – Мэген нетерпеливо всплеснула руками.

Они раза три кряду просмотрели короткую запись. За это время Мэг в самых мельчайших подробностях вспомнила свой первый день в колледже.

Раньше всех они познакомились с Дези. Она сразу же выделила из множества молодых людей тоненькую девочку с огромными карими глазами. Темные волосы с густой челкой подчеркивали необыкновенную бледность лица. Мэгни удивлялась: почему окружающие не обращают на нее восхищенные взгляды, почему молодые люди проходят мимо, лишь мельком взглянув на нее. Она же сразу влюбилась в эту девушку и очень порадовалась, когда в первый же день занятий случайно оказалась с ней за одним столом.

С Кейт и Элси они познакомились в студенческой библиотеке, те хорошо знали друг друга, так как учились в одной школе. После занятий им не захотелось расставаться, и они вместе пошли прогуляться по набережной: ели мороженое, смеялись, болтали, обсуждая своих сокурсников и преподавателей. С того дня и по настоящее время они вместе.

– Хочешь еще раз посмотреть? – Ник, держа в руках пульт, выжидательно смотрел на нее.

– Нет, спасибо, – растроганная Мэг чмокнула сына в нос.

– Мам, я могу спросить, почему вы такие красивые, классные, а не замужем? И вообще, насколько я понимаю, не встречаетесь с мужчинами?

– Я и сама не могу толком это объяснить. Может, потому, что нам всегда было хорошо вместе и у нас не было необходимости в другом общении, – на минуту задумалась Мэген. – А тебе не кажется, что перед экзаменом тебя должны заботить несколько иные вопросы? – она приложила пальчик ко лбу сына.

– Напекаешь, что мне надо еще позаниматься? – с сомнением протянул Ник. Он надеялся, что его слова будут опровергнуты.

– Ты правильно меня понял. Иди поработай, а я тебе приготовлю что-то очень вкусное.

Николас еще немного потолкался в гостиной, повздыхал и поплелся в свою комнату корпеть над учебниками.

Оставшись одна, Мэг машинально включила телевизор. Шла прямая трансляция концерта – знаменитый ансамбль из Лондона исполнял мелодии средневековой Англии. Комната наполнилась чарующими звуками старинной музыки.

Не зажигая свет, Маргарет уселась на диван и призадумалась. Вопрос сына застал ее врасплох. Впрочем, у нее не было ответа на него и сейчас.

Мужчины никогда не вызывали большого интереса ни у одной из них. В юности они, незаметно для себя, проскочили этап любопытства, заинтересованности к физиологическим подробностям взаимоотношений мужчины и женщины. Мир, в котором они общались между собой, был так прекрасен, реален, значителен и самодостаточен, что физическая близость заняла далеко не самое почетное место в ряду их ценностей.

Впрочем, девушки честно пытались перенести свои дружеские, доверительные, открытые отношения на молодых людей. Они искренне считали, что свойственные им самим качества развиты у мужчин в еще большей степени. Как же они удивлялись, когда оказывалось, что на внешне крепкого и неглупого парня нельзя было положиться даже в малом. Чудовищная инфантильность многих своих знакомых их просто потрясали.

Наверное, все это не могло не отразиться на матримониальном статусе подруг – на сегодняшний день только Элси была замужем. Она с самого начала не питала никаких иллюзий по поводу семейной жизни, не ждала от нее ничего хорошего, но и не была слишком требовательна к мужу.

– Да что с него возьмешь, – говорила она, смеясь. – Слава Богу, растет сын, с ним и отвою душу.

Сейчас мальчик учится в школе, новые проблемы почти полностью заслонили ее отношения с мужем – брак сохранялся.

Пустившись в воспоминания, Мэг не заметила, как пролетело время. В комнате заметно потемнело. Трансляция концерта закончилась. Последняя мелодия была особенно трогательной и еще продолжала звучать в голове. Хотелось еще хоть ненадолго продлить навеянное музыкой очарование.

«Надо почитать что-нибудь в этом духе», – решила Мэг. Крепко потерев ладонями лицо, встала и поднялась в библиотеку.

В библиотеке все сохранилось без изменений. Стены со стеллажами, уставленными книгами, массивный старинный письменный стол, кресло отца с высокой спинкой, тяжелые задернутые портьеры на окнах – от этого в комнате всегда царил полумрак – сколько воспоминаний связано с этой комнатой!

Когда ей доставалось от мамы за какие-нибудь проделки или что-нибудь пугало ее, она прибегала сюда, ища защиты и помощи у отца. Он всегда успокаивал, оправдывал и утешал. А если отца не было дома, Мэгги забиралась под стол, и выманить ее оттуда было невозможно никакими посулами.

Сюда же прибежал маленький рыжий котенок, которого она однажды подобрала на улице. Он оказался на редкость благодарным животным и разделял все невзгоды своей маленькой хозяйки.

– Мэгги, вылезай! Вот упрямая девчонка, – звала мама.

Но они с Рыжиком только крепче прижимались к пузатым ножкам стола и сидели так до тех пор, пока не получали прощения и заверения: их любят и больше не будут ругать.

Мэг с улыбкой покачала головой. Подойдя к полке, прошла пальцами по корешкам старинных книг. Наугад вытянула одну, в золотистом переплете.

– «История Крестовых походов», – с улыбкой прочла она вслух. – Весьма кстати.

Накормив сына и наскоро убравшись, Маргарет прошла в свою комнату, зажгла ночник, забралась с книжкой в постель и с головой погрузилась в романтический мир средневековья.

Уютный, ярко освещенный зал полон гостей. Обворожительные дамы в разноцветных кринолинах и высоких париках неслышно скользят по выложенному мозаикой паркету. Выполненная сложные фигуры церемонного танца, они словно парят над зеркальной поверхностью и кажутся эфемерными, неземными существами. На мужчинах – изящные шелковые костюмы или необычайно красивая военная форма, представляющая нечто среднее между рыцарским облачением и мундиром уланов викторианской эпохи. Выглядят они внушительно и чрезвычайно живописно.

Гости стоят небольшими группками, парами, все оживленно говорят, смеются. Простые, благородные манеры доблестных рыцарей соперничают с изощренной изысканностью вельмож. Дамы отдают должное учтивой любезности одних и искрометному остроумию других, предпочитая всё же непревзойденную галантность военных кавалеров. В зале царит непринужденная, теплая атмосфера удавшейся вечеринки.

Маргарет, с высоко взбитыми, припудренными волосами, в зеленом платье с очень узким корсетом, одиноко стоит у окна. Непривычная обстановка и странные костюмы несколько ее не удивляли. Напротив, ей необычайно комфортно среди этих людей, большинство из них она хорошо знает. Вот Элси со своим мужем.

«Как ее украшает платье цвета слоновой кости и это жемчужное ожерелье... У Филиппа такое спокойное, значительное лицо...» – Фил, почувствовав ее взгляд, оглянулся и кивнул головой. Маргарет в ответ помахала пальчиками. «Что бы Элси ни говорила, они здорово подходят друг другу!» – Мэг перевела взгляд на соседнюю пару.

«Кейт сегодня – просто красавица! Лицо нежное, кроткое... Глаз не оторвать! Что значит быть рядом с любимым человеком, как бишь его? Роберт! Ну да, конечно! Как я могла забыть его имя?» – А вот кавалера Дези Маргарет точно никогда раньше не видела. Но теперь вряд ли забудет: «Неординарная личность, сразу видно! Уверенные манеры, выразительный взгляд... И чем-то они с Дези похожи. Дай-то Бог! Надо будет хорошенько порасспросить о нем подружку».

Маргарет стояла лицом к залу, старательно рассматривая танцующих. Оглянуться боялась – знала, что сразу же наткнется глазами на «того» человека. Весь вечер она избегала его, старалась не обращать на него внимания, вообще не замечать! Но сделать это оказалось так трудно! Ее так и тянет снова увидеть бледное, с сияющими голубыми глазами, лицо.

«Куда же запропастилась Дези! Сказала, что выйдет на минутку, и вот уже сколько времени ее нет!» – от возмущения Маргарет забылась и оглянулась – ее незнакомца не было. Облегченно вздохнув, она снова повернулась лицом к залу.

Здесь уже все было по-другому. Верхний свет погас, комната мягко освещается настольными светильниками да светом от горящего камина. Она не сразу увидела, что осталась наедине с незнакомцем. Осознав это, ужасно испугалась и хотела уйти. Осторожно взглянула на него и осталась на месте, словно ноги приросли к полу.

Еще некоторое время тот молча разглядывал Мэг. Неспешным движением взял из высокого бокала, стоящего на каминной полке, цветок шиповника, протянул ей. Маргарет взяла розу за стебель – острые шипы тотчас же больно вонзились в ладонь, она выпустила ее из рук. Рыцарь, сняв перчатку, снова подал розу – на его пальцах выступили капельки крови. Мэген, словно замороженная, взялась за цветок и почувствовала ту же острую боль. Но вместе с ней пришло ощущение невыразимого восторга, физическая же боль только подчеркивала глубину охватившего блаженства.

Глаза незнакомца перестали испускать ослепительное сияние, теперь он смотрел ласково и немного печально. Казалось, он получил от нее ответ на не заданный вслух вопрос, и еще: он знает что-то очень важное, чего пока не стоит знать ей. Несмотря на юное лицо рыцаря, Маргарет почувствовала, что он на много-много старше. Он слишком много видел и слишком много знает, потому в его глазах навсегда поселилась печаль и усталость.

А еще поняла, что теперь связана с ним на всю жизнь, и какой она будет – радостной или не очень, счастливой или нет – не имело никакого значения; вне этого человека ее существование уже невозможно.

Маргарет проснулась, морщась от боли, – ладонь горела, будто ее пронизали десятки иголок. «Наверное, неловко повернула руку во сне», – успела она подумать и тотчас же снова уснула.

Глава 7

Даниель с Михаилом шли дворами, как в детстве, поддевая ногами целые вороха желто-красно-оранжевых листьев. День был пасмурным, солнце лишь ненадолго показывалось из-за низких туч, и тогда опавшая листва наливалась ярким, теплым огнем, освещая золотым мягким светом все вокруг. Нечасто за последнее время им удавалось побродить по любимым улицам вот так, не спеша. Хочешь – говори, хочешь – молчи; только со старым другом можно так отдохнуть душой.

Михаил, вдохнув полной грудью холодноватый, насыщенный запахом прелых листьев воздух, нарушил молчание:

– Хорошо осенью в Москве.

Даня согласно кивнул головой. Он всегда с удивлением выслушивал мнение о Москве, как о городе, не имеющем своего характера. Что-что, а ввести в заблуждение приезжего обывателя Москва умела: напускала на себя вид то чопорной, бездушной бизнес-леди, то открытой всем и вся бестолковой простушки. И даже не всем москвичам удавалось разглядеть за напускными, разухабистыми, карикатурно претенциозными манерами ее истинный образ. Ему всегда казалось, что Москва, как целомудренная невеста, до времени скрывает свое лицо. Но наступит час, она сбросит свои пестрые маскировочные тряпки и явится миру во всем блеске величавой красоты, чистоты и доброй силы.

Существовал еще только один город, в котором ему хотелось бы жить, – Петербург. Там, на Малой Морской, в доме Никиты Андреевича, он проводил почти все свои каникулы. Вместе с местными ребятами облазил город вдоль и поперек и теперь знал его не хуже, чем Москву. Во всяком случае, чувствовал и любил его не меньше.

– Ты как, не передумал покупать квартиру в Питере? – будто подслушал его мысли Михаил. Дэн взглянул на него. Рыжие вихры в разные стороны, кошачьи, светло-карие глаза – Мишка их называет тигриными, – нос картошкой, простодушное выражение лица. Такая физиономия может обмануть хоть кого! Балаболит, хохмит и вдруг выдаст что-нибудь такое, что становится не по себе, – такая в человеке открывается глубина. Его интуиция, способность предвидеть события не раз ставили в тупик окружающих.

– Квартиру – нет, а вот дом на Финском заливе присматриваю. Потихоньку готовлю родителей к этой перспективе. Пока за нее только дед.

– Его жена, кажется, была родом из Выборга?

– Ну да, там они и познакомились. Он уже спит и видит, чтобы остаток дней провести в тех краях. Мама тоже почти согласна. Ей не нравится там только климат. По мне – он немногим отличается от московского, одно слово – средняя полоса.

– «Но наше северное лето – карикатура южных зим», – процитировал Пушкина Михаил.

– А ты что это стихами заговорил, за тобой вроде это никогда не водилось? А это правда, что я слышал: Звягинцев по уши влюбился и собирается жениться? Колись давай! – Дэн ткнул в плечо друга.

– И ты, Брут! Я и сам еще ничего не знаю. Лучше скажи, Мастер, почему я до сих пор не вижу твою Маргариту? – перевел он разговор на более безопасную тему.

– Не повстречалась еще Маргарита. Маргариток много. Все как на подбор: хорошенькие, ровненькие, соответствующие уровню мировых стандартов; различаешь только по цвету: беленькие, рыженькие, черненькие... Глаз радуют, а сердце не задевают.

Михаил понимающе покивал головой.

– Ну а вообще, как лето провел?

– Ничего особенного. Дней десять проторчал на даче, а все остальное время на гастролях с танцевальной группой. В июле – Питер, в августе – Сочи, Дагомыс.

– Здорово! Везун ты, Сокол! Небось, порезвился там с маргаритками-то – сколько их там у вас! И среди них есть премиленькие, я видел последний состав, – Мишкины глаза загорелись желтым светом.

– Ох, Мишка, стоит заговорить о девчонках, ты становишься похожим на своего кота, и масть-то у вас одна. Специально подбирал?

– Масть – что надо – тигровая, золотая! Но ты не отвлекайся, рассказывай!

– Да нечего рассказывать. У нас негласный закон – со своими девчонками никаких сюжетов.

– Что, все это время постился? Молоток!

Данила усмехнулся. У него никогда не возникало трудностей с этим вопросом.

Ненавязчивая воспитательная работа дома и в хореографической школе способствовала разумному отношению к девушкам. Старшие ребята доступно и весьма конкретно объяснили, что ранние половые контакты отрицательно сказываются на развитии организма. А поскольку к своему телу ребята относились, как к дорогому инструменту, ни у кого не возникало желания поэкспериментировать.

Время от времени у него появлялись необременительные связи с девушками. Новизна и острота ощущений на первых порах его крепко захватывали. Но скоро выработалось более рациональное отношение к этой проблеме. Теперь он относился к подобным встречам, как к забавным приключениям. Впрочем, он всегда был мил и хорош со своими подружками. Они платили ему тем же.

– Воздержание – одна из первых заповедей Мастера, – нарочито поучительным тоном произнес он вслух.

– У нас с тобой разные школы, – хохотнул Михаил. – Я свое боевое крещение принял давно, на первом же выезде. Местные «аборигенки» держали под контролем базу сборной. Однажды к нам в номер пробрались несколько девчонок и запросто предложили себя на вечер. Меня было оставили в покое. Ты ведь помнишь, каким я был маленьким до восемнадцати лет. Но одна из девиц, оставшаяся не у дел, залезла в постель и объявила всем: мальчик по всем параметрам хорош, я ни за что не оставлю его скучать одного. А потом понеслось... Пока не встретил Наташку, – он набрал номер телефона. Не дождался ответа и снова стал приставать:

– Чем же вы там все-таки занимались?

– Днем репетиции, часа три. Все остальное время валялись на пляже, купались в море, играли в баскетбол. Вечером концерт, как правило, не больше десяти танчиков.

– И что, получили хорошие бабки?

– Неплохие. Но дело-то не в этом. Мне нравится танцевать, мне комфортно на сцене. Я очень благодарен Никите за то, что пригласил меня к себе.

– Извини, попробую еще разок позвонить, – Миша стал набирать номер телефона, сбился, чертыхнулся и приостановил Дэна: – Погоди, – и снова, шепча вслух заветные цифры, начал старательно тыкать пальцем по кнопочкам. Даниил некоторое время понаблюдал за сложными манипуляциями друга, понял – это надолго. Развернулся к скверу и, глядя, как с высоких деревьев дождем осыпаются разноцветные листья, принялся вспоминать, как пять лет назад, в такой же неяркий октябрьский денек, случай вновь свел его с Учителем.

Как же они обрадовались друг другу! Никита Андреевич сказал, что никогда не забывал его, и предложил посещать свой класс в новом танцевальном коллективе. Он сразу же ухватился за эту возможность. Освоение пластики танца давало новые дополнительные возможности, которые он реализовывал на льду; кроме того, танцевальная группа со своей свежей, неизбитой программой пользовалась большим успехом. Нередко их приглашали выступать в ночных клубах, где платили довольно приличные деньги. Это обстоятельство было немаловажным для их скудного семейного бюджета.

Давно уже отпала необходимость в дополнительном заработке. Но осталась потребность в танце, в общении с ребятами. Ему нравилась и закулисная жизнь артистов, и особая атмосфера на спектаклях. Энергетика зрительного зала надолго заряжала, создавала ощущения куража, легкости, заводила его.

– Извини, старенький, – прогудел прямо над ухом Мишка. – Мне что-то беспокойно. Наташка сегодня должна сходить к врачу. Просил ее: как только вернешься – звони на сотовый.

– А, вот значит как! – протянул Даня.

– Это совсем не то, что ты подумал. Наташа за последнее время похудела, ослабла, голова постоянно кружится.

– Ага, подташнивает, хочется чего-нибудь соленького? – продолжал ехидничать Дэн.

– Дурак ты! Она уже месяца два мыкается по всем специалистам, сдала кучу анализов – и все без толку. Всё вроде в норме, а человек тает на глазах. Посоветовали сделать магниторезонансное обследование, может, оно что-нибудь даст. Ты не обижайся, но я, пожалуй, поеду к ней домой.

– Ты потом обязательно позвони мне, – сразу посерьезнел Даниил, – если что, посоветуемся с Еленой Петровной, у нее куча знакомых среди врачей. Сегодня же позвони, слышишь! – уже вдогонку прокричал он. – Счастливо!

Данила взглянул на часы – только пять часов, дома наверняка еще никого нет. «Поброжу еще немного, – решил он. – Когда теперь буду в Москве?!»

Уже через неделю начинались Игры доброй воли в Америке. Предстоящие соревнования не были слишком ответственными, но Даня ощущал неясную тревогу. Ему захотелось перед поездкой побывать в своем храме, что на Гончарной. Когда-то он сам привел туда своих родителей и попросил, чтобы его окрестили.

В первый раз он попал в эту небольшую, уютную церковь случайно – забежал в открытую дверь, спасаясь от сильного дождя. Народу было много, но его везде пропускали. Недалеко от алтаря стояла икона. Точно такую же он всегда видел на фасаде храма, и она ему очень нравилась. На него обратил внимание проходящий мимо молодой священник.

– Ты знаешь, что это за образ? – спросил он с улыбкой. Услышав отрицательный ответ, отвел Даню в сторонку и поведал трогательную историю ее создания.

Почему-то этот рассказ его очень впечатлил, и он твердо для себя решил, что примет крещение. А перед образом Троеручицы попросит у Богородицы только самое главное, сокровенное.

Никого в доме его намерение покреститься не удивило. Мама только порадовалась:

– Правильно, сынок, это я оплошала, давно надо было это сделать.

У отца в ту пору было непростое отношение к религии, но и он не возражал. Крещение пришлось на день памяти Александра Невского. Крестными стали родители Михаила, так что теперь они почти родственники. По странному стечению обстоятельств обряд совершал тот же самый молодой священник. Отец Владимир был так радостен и светел, будто у него самого был большой праздник. Он сразу же принял приглашение мамы зайти к ним домой, чтобы отметить это событие.

Правда, отец не дал человеку спокойно посидеть – все время приставал с вопросами и пытался вызвать его на спор. Отец Владимир был терпелив, кроток и мил. Отвечая на все каверзные вопросы, постоянно ссылаясь на конкретные источники, чем очень подкупил отца, любившего во всем точность. По существу, этот день во многом определил его будущее отношение к вере. Теперь отец повторяет слова Пирогова: «Если бы я и хотел сейчас не признавать существование Бога, я не мог бы это сделать, не сойдя с ума».

Поставив свечку перед иконой, Даниил отошел недалеко и долго стоял, глядя на чудесное, юное, печальное лицо Девы, на прижавшегося к Ней Младенца. Теплый свет, мир и покой изливались от образа на окружающих.

Даня смотрел то на икону, то на мерцающий огонек лампадки. Он не знал, о чем надо просить. Вдруг ему показалось, что дивные глаза Пречистой заглянули ему прямо в сердце и, увидев на самой его глубине то, чего он и сам еще не знает, с грустью и любовью пообещали свою помощь и покров.

Домой Даниель пошел окольным путем. Пройдя всю Гончарную, спустился к высотке и стал подниматься по набережной к дому. Некоторое время в его ушах еще слышался церковный хор, но вскоре мысли переключились на предстоящие дела. Глядя на ухоженные особнячки, спрятанные за старыми раскидистыми деревьями, вспомнились тихие кварталы в Калифорнии. Дэн всегда чувствовал себя в Америке необыкновенно комфортно.

Ему нравилась раскрепощенность американцев, их позитивное восприятие жизни, настроенность на победу в любом деле. Здесь казалось возможным осуществление любой, даже самой дерзкой, мечты.

Тем не менее он ясно отдавал себе отчет в том, что за фасадом яркой, праздничной, легкой жизни лежит серьезный повседневный труд, и был абсолютно уверен, что именно профессионалы во многом определили нынешнее процветание и могущество страны. Будучи сам трудоголиком, уважал и ценил способность американцев хорошо трудиться и отдыхать.

Капли морозящего холодного дождя попадали за воротник плаща.

Данила поежился. Как здорово, что уже через несколько дней он сядет в самолет и снова попадет в лето!

Глава 8

Вынимая из машины пакеты с покупками, Маргарет составляла в голове план действий. До прихода подруг оставалось всего два часа, а сделать предстоит еще так много. Ник встретил ее у порога дома, подхватил сумки, поцеловал мать в подставленную щеку.

– Ма, хорошо, что застал тебя, я уже убегаю. Сегодня наши играют в баскетбол с ребятами из Технологического. Мы с Бобом пойдем поболеть, а потом, если не возражаешь, зайдем к нему. Я обожаю твоих подруг, но вам наверняка захочется посекретничать наедине. Постараюсь прийти не очень поздно, а ты не забудь оставить мне что-нибудь вкусненькое!

Мэгги прошла на кухню и, разложив продукты, заготовленные для приема гостей, машинально включила телевизор – показывали новости. На экране появилось изображение Московского Кремля. Там шли какие-то переговоры.

Год назад Мэг осуществила мечту своего отца и побывала в России, в Петербурге. Сначала город показался неприветливым. Но чем больше она ходила по его улицам, мостам, площадям, осматривая великие архитектурные творения, впитывая воздух, наполненный влагой Невы и Финского залива, тем больше понимала и любила его.

Она познакомилась там с очень милой женщиной-экскурсоводом. Та часами могла рассказывать об истории старых зданий, о людях, которые творили славу города и страны. При этом скромно одетая, с неброской внешностью, заезженная работой тетка на глазах преображалась. Откуда что бралось? Впалые щеки покрывались нежно-розовым румянцем, в небольших сероватых глазах проступала голубизна весеннего неба. Насыщенное красками прозрачной акварели лицо оживало, и вместо скучной, неопределенного возраста старой девы появлялась утонченная, прелестная барышня. Именно благодаря ей Маргарет в короткое время удалось почувствовать истинный, не зависящий ни от каких внешних обстоятельств, аристократизм Питера, его особый шик.

Вернувшись домой, Мэгги быстро забыла неприятные впечатления, а в памяти осталось только необыкновенное, щемящее чувство приобщения к так и неразгаданной тайне города. Еще долгое время ей снились широкие проспекты Петербурга, громады Исаакиевского и Казанского соборов, полноводная Нева с холодной, свинцово-серой, такой же, как небо, водой.

Теперь Мэг с большим интересом относилась к новостям из России. Происходящие там события часто казались невероятными, пренебрежение человеческим достоинством и жизнью вообще вызывали удивление и тревогу. Она понимала, что в России сейчас нелегкие времена. Хотя когда они там были легкими? Но, несмотря на всё это, Маргарет чувствовала, что у этой страны есть будущее.

«Господь не оставит Россию хотя бы за те страдания, которые перенес ее народ, – думала она и молилась про себя за свою страну: – Боже, храни Америку!»

Прозвучал звонок в дверь. Ну вот и они – ее дорогие, золотые, милые девочки!

Подруги с шумом ворвались в дом, с сияющими глазами на оживленных, раскрасневшихся лицах. Не переставая говорить друг с другом, целовали хозяйку, вручали цветы, пакеты с покупками. Как будто вихрь свежего ветра залетел и наполнил своей энергией, шумом, радостью все уголки уютного, тихого дома.

На кухне Маргарет выложила на стол припасы, и все принялись за дело. Как всегда, основу ужина составляли салаты из овощей, рыба и фрукты. Каждый раз подруги умудрялись изыскать новые рецепты салатов или десертов, на ходу изобретали необыкновенные соусы. Гвоздем сегодняшней программы должны были стать фирменные пирожные Мэг.

Стол накрыли в небольшой гостиной. Ее интерьер был выдержан в нежно-палевых тонах, от чего комната даже без искусственного освещения всегда казалась наполненной теплым светом. Все чувствовали себя здесь уютно, особенно в этот сырой октябрьский вечер.

Самые интересные новости были у Кейт. После медицинского колледжа она, неожиданно для всех, решила поменять свою профессию и поступила в Экономический университет. Теперь она работала в мэрии, возглавляла отдел, занимающийся вопросами городской недвижимости, и всегда была в курсе городских событий.

Мало того, Кейт постоянно занималась самообразованием. Сейчас она посещала лекции известного ученого, астрофизика.

– Просто фантастика, какие перспективы открываются перед человечеством, – рассказывала она вздохом о феноменах физического вакуума. – Теория торсионного поля объясняет чуть ли не все явления Тонкого мира. В частности, подтверждается одна из самых великих истин: жизнь человека вечна и непрерывна в своем развитии. Смерть – лишь переход из одного мира в другой, это углубление и углубление жизни.

– Большинство людей это и так давно знает из Библии, – возразила Мэгги.

– Разумеется, верующему человеку не нужны никакие доказательства, и всё же здорово, что почти все основные положения религии находят научные обоснования. Кто-то из великих ученых, Планк, по-моему, точно высказался на этот счет: «Как религия, так и наука, в конечном счете, ищут истину и приходят к исповеданию Бога». – Элли, обладая завидной памятью, могла процитировать изречения знаменитых людей по любому поводу.

– Так оно и есть! – подтвердила Кейт. – Теоретики квантовой физики, вторя богословам, утверждают, что сверхъестественные события – это не нарушение, а проявление истинных, высших законов в нашем временном мире. Они действуют у нас так же просто и неизбежно, как все другие законы материального бытия. Другое дело, что мы не хотим замечать их. А если и замечаем что-то необъяснимое, тут же стараемся поскорее забыть, убежать от этого.

– Прежде всего от себя самого, – решила уточнить Дези. – Человеку дано очень многое, но мы не желаем это понять. Мы боимся остаться наедине с собой, не решаемся заглянуть в глубину своего сердца, почему?

– Может, потому, что боимся встретить там Бога? И весь уклад нашей жизни, с ее убогими стандартами, заботами, развлечениями – это попытка спрятаться от этого знания, – в раздумье предположила Мэген.

– Факт остается фактом: подавляющее большинство из нас предпочитает оставаться со своими сомнениями один на один – лишь бы не показаться не таким, как все, – согласно кивнула головой Элли. И тут же перевела разговор на шуточный тон:

– Кейт, ты лучше скажи, как там насчет инопланетян? – она с улыбкой покрутила вилкой в воздухе. – Что говорят по этому поводу умные люди?

– Про инопланетян ничего не говорилось, а вот про «иномирян» – очень много. Космологи теоретически доказали вероятность существования параллельных миров.

– «У Отца моего обителей много», – процитировала Элли.

– Возможно, но, скорее всего, речь идет о тонкоматериальных планах, – предположила Маргарет. – Небеса, по Священному Писанию, имеют сложную, иерархически выстроенную структуру. Помните: первое, третье, седьмое Небо. Собственно, весь невидимый мир, населенный неведомыми нам созданиями, можно назвать параллельным. Как бы то ни было, чем больше узнаешь, тем больше удивляешься и преклоняешься перед величием Творца!

– Сколько бы человек ни существовал, не будет конца ни тайнам, ни новым открытиям! С точки зрения физиков, сама геометрия пространства Вселенной наталкивает на мысли об ее многослойности. После экспоненциальной фазы Большого взрыва Вселенная напоминает мыльную пену. Ну, вы помните... – Кейт неуверенно взглянула на подруг.

– А как же, – смеясь, протянули те в ответ, – но ты все равно рассказывай, что будет непонятно, спросим.

– Так вот, образовавшиеся пузырьки представляют собой изолированные пространственно-временные континуумы со свойственными только им физическими законами. Мало того, каждый такой «пузырек» состоит из множества никак не связанных между собой слоев, также отличающихся рядом своих физических, скорее всего временных параметров. Предполагается, что во многих из них могут существовать родственные цивилизации, находящиеся на разных стадиях эволюции.

– Здорово, но немного сложно, хотелось бы услышать конкретные примеры, – у Элси сегодня был шуточный настрой.

– Ну, таких историй полно в любом книжном магазине, вспомни хоть Ричарда Баха. Я говорю о конкретных научных разработках, – горячилась Кейт. – Что б ты знала, в НАСА серьезно рассматривается программа изучения параллельных миров. А там деньги на ветер не пускают.

– А я и не возражаю! Больше того, как честный налогоплательщик, я всячески приветствую изыскания в этой области и в области теоретической физики вообще.

Элси разлила вино и с самым серьезным видом произнесла:

– Так выпьем же за, как там, э... за квантовую физику!

Все дружно рассмеялись и подняли бокалы.

– Я где-то прочитала, что сейчас оспариваются многие положения теории относительности Эйнштейна. Ваш преподаватель ничего не говорил на эту тему? – поинтересовалась Мэг.

– В нашем мире относительности – всё относительно. На каждом этапе развития мы имеем только свою порцию знания. Знать все – невозможно, это прерогатива Создателя. Вообще, мне надо принести видеозапись с лекциями.

– Конечно, приноси, всегда лучше воспринимаются систематизированные знания. И Нику будет интересно, – загорелась Маргарет.

– А где он?

– Сказал, что пойдет на баскетбол с другом.

– Ага, теперь это так называется, – улыбнулась Элси.

– Не знаю, мы с ним мало говорим на эту тему. Я ему попыталась объяснить, что физическая близость на самом деле одна из самых ярких красок в палитре человеческих взаимоотношений, но она может присутствовать или отсутствовать на полотне, ее может быть много или мало. Главное, чтобы эта краска гармонично вплелась в общий рисунок. Это одна из многих составляющих ценностей человеческой жизни, но отнюдь не главная.

– Ну, очень образно объяснила, – засмеялись подруги.

– По-другому у нас не очень получается. Он не откровенничает, а мне неловко самой начинать эту тему: опыта в этом деле у нас маловато, так что, может, лучше и помолчать.

– Для того чтобы советовать, вовсе не обязательно заниматься практикой. Знаешь, тренеру пловцов можно и не уметь плавать, – резонно заметила Дези.

– Вот ты очень кстати заговорила о спорте, – подняла пальчик Кейт. – В конце месяца мэрия устраивает большой прием для участников Игр доброй воли. Там будут многие наши знаменитости. Считайте, что и вы приглашены.

– А что нам там делать? – удивились подруги, – вот уж удовольствие толкаться среди незнакомых людей.

– Вот чудачки, – возразила Кейт. – Во-первых, у нас будет еще одна возможность собраться вместе: не так-то уж часто в последнее время у нас это получается...

– А во-вторых? – проявила заинтересованность Элси.

– А во-вторых, там обязательно будут небезызвестные люди из департамента здравоохранения, – Кейт выразительно взглянула на Дези – у той был небольшой, перманентно протек-

кающий роман с одним из его высокопоставленных чиновников. – А еще собираются пригласить классный оркестр, можно будет хорошенько встряхнуться и потанцевать. Ну что, я вас убедила?

– Вполне, – все согласно закивали головами.

– Дези, ты не забыла принести фотографии дочки? – спросила Кейт.

У нее не было своих детей, и она обожала детей подруг, маленькая же Софи была ее любимцей. Дези достала из сумки целую кипу фотографий. С них, в разных платьицах и на разном фоне, смотрела взрослыми, темными, как у мамы, глазами тоненькая девочка с бледным личиком.

– Какая красавица! – в один голос заговорили подруги. – А серьезная какая! – вся в маму.

Дези души не чаяла в своей дочке. После университета она всецело занялась карьерой. Ни желания, ни времени на сколько-нибудь серьезные отношения с мужчинами у нее не было. Шесть лет назад, неожиданно для всех, Дези выскочила замуж за неглупого, здорового парня из хорошей семьи, лет на десять моложе себя. Молодой человек не выразил большого энтузиазма по поводу возможного рождения ребенка, они спокойно расстались.

– Мэдж, не забудь отложить парочку пирожных для Софи, она отпустила меня только на таких условиях, – попросила Дези. – Да и нам пора их попробовать.

Подруги принялись за кофе с потрясающей выпечкой. Легкие, воздушные, с фруктовой начинкой пирожные, в виртуозном исполнении хозяйки, просто таяли во рту. От удовольствия девушки жмурились и тихо постанывали, говорить не хотелось.

Мэгги включила телевизор – передавали Игры доброй воли, соревнования по фигурному катанию. Выступали мужчины с короткой программой. Никто из подруг особо не интересовался этим видом спорта. Но атмосфера праздника, соперничества, азарта, явно ощущаемая благодаря умению режиссеров и операторов, захватила всех.

Они с удовольствием стали смотреть передачу, обсуждая претендентов на высокие места. В конце соревнований на лед вышел русский фигурист. Это было безукоризненное по исполнению и невероятно артистичное выступление. У девушек дух захватывало, когда они видели, с какой легкостью выполнялись самые сложные элементы катания, каскады четверных, тройных прыжков. Время от времени кто-нибудь из них только выдыхал:

– Класс! Фантастика! Ну, супер!

В ожидании судейских оценок телекамера показала исполнителя крупным планом.

– Хорош чертенок! – воскликнула Дези.

Он и впрямь был хорош, этот русский – Даниил Соколов. На раздумявшемся лице блестят яркие голубые глаза, грива светлых волос – лицо викинга или средневекового рыцаря... В это время комментатор сообщил, что фигуристу из Москвы в этом году исполнилось двадцать два года. Подруги были удивлены: парень выглядел, как минимум, лет на пять старше. Да, юношески стройная, гибкая фигура, свежее лицо, светлые волосы... Но четко очерченный подбородок, уверенные жесты, твердый взгляд и даже улыбка были чертами более зрелого человека.

Все единодушно порадовались за русского спортсмена, занявшего первое место, решили обязательно посмотреть произвольную программу.

Проводив подруг, Мэген не спеша убрала комнату. За мытьем посуды вспоминала с улыбкой сегодняшний вечер. Все было, как всегда. Ощущение взаимопроникновения, душевного комфорта, тихой радости. Лишь в постели ее кольнуло легкое чувство беспокойства, как бывает, когда хочешь что-то вспомнить и не можешь. «А, завтра само вспомнится». Она свернула калачиком, прикрыла глаза и сразу заснула.

Глава 9

Жарко... Солнце стоит прямо над головой. Пустыня, простираясь до самого горизонта, сливается там с небом – создается эффект гигантской золотой чаши. Ветер, меняя свое направление и силу порыва, навевает невысокие холмы с причудливыми абстрактными рисунками. Бесконечное разнообразие оттенков желтого цвета поражает воображение.

Лоренс с холодной печалью глядел, как только что созданный шедевр бесследно исчезает из-за легкого порыва ветра. Созерцание бесполезной и от того более ценной работы, этой вечно меняющейся красоты, приносило ощущение покоя, бесстрастия, очищения.

Таких реликтовых, не тронутых человеком уголков природы на планете осталось совсем немного. Наряду с пустыней сохранено еще несколько первозданных мест: океан, окруженный скалистыми берегами, гряды высоких, неприступных гор, необъятное царство вечного холода и льда на полюсе. Это были эталоны красоты первого порядка. Вся остальная часть окружающего мира преобразована Великими Творцами.

Безграничный покой пустыни почти ощутимо объял Лоренса. Он накатывал сухими, горячими волнами, вливался в кровь, замедляя ее бег, проникал в самые отдаленные уголки сознания. Не переставая наблюдать, как мириады песчинок-кирпичиков создают постоянно меняющуюся, но неизменно совершенную картину, Лоренс предался размышлениям об истоках величия и славы Альдеона.

Его непревзойденная красота и мощь создавались трудом тысяч Мастеров. Большинство из них – клонированные потомки выдающихся ученых и художников, истинных поборников интеллектуального творчества и Высокой науки. Несколько веков понадобилось жрецам, чтобы собрать и воссоздать генетические копии гениев, живущих в невообразимо далеких мирах.

За относительно короткое время Альдеон украсился бесчисленным количеством совершенных произведений искусств. Бесподобные по замыслу, безупречные по исполнению шедевры, лишённые страстей и примитивных эмоций, заполнили выставочные залы, площади, города.

Смелые научные открытия и изобретения следовали одно за другим. Деятельность ученых, основанная на использовании высоких технологий и развитии собственных ментальных способностей, стала сродни волшебству. Альдеон заслуженно приобрел славу мира Совершенства и Бесстрастия.

Лоренс прикрыл глаза и приостановил поток мыслей. Тихий шорох песчинок, едва различимый звук ветра, песчаные волны, бесконечно сменяющие друг друга, – из ничего возникает видимость всего и вновь уходит ни во что – таков незыблемый закон вечности. Сознание приближалось к высшей своей точке – великому безмолвию, где единственной, обладающей страшной силой, реальностью, был одинокий разум – вечный, свободный, бесстрастный... Перед ним возникли будущие контуры новой мелодии. Лоренс взял пригоршню песка, тихой шелковой струйкой тот потек сквозь пальцы. «Наверное, такие же шелковистые и легкие волосы у Милиоки. Что будет, если запрокинуть ее голову и долго-долго смотреть в ее глаза?» – незваной гостьей промелькнула дикая мысль.

Он спохватился, вновь попытался настроиться на высокий лад почти сложившегося музыкального образа, но ощущение бесстрастия и покоя безвозвратно покинуло его.

– Ах как скверно! – произнес вслух Лоренс, морщась, как от боли.

Все началось неделю назад. В тот день он много и хорошо поработал. От усталости ныла спина, слегка кружилась голова. Сразу вспомнилось, как давно он не покидал свою мастерскую, захотелось выйти на воздух, пройтись по городу.

Бродя по центральным улицам, Лоренс подолгу останавливался перед работами Переселенцев Первой волны. Созданные ими образцы архитектуры, живописи, скульптуры поражали воображение разнообразием идей и средств выразительности.

Площадь Неиссякаемого Творчества с постоянно обновляемой экспозицией его разочаровала. Новых сооружений было как никогда мало, а те, что появились, нельзя было назвать образцами Высокого Искусства.

«Ни одной свежей идеи! А ведь когда-то за право здесь выставиться боролись лучшие художники планеты», – с досадой недоумевал он. Его еще что-то смущало. Ну да, конечно, город заметно опустел. Совсем недавно на этой площади с трудом можно было протолкнуться. Похоже, одно из преимуществ их совершенного мира оборачивается неприятной стороной.

Альдеон существовал в условиях двух разноскоростных потоков времени. Настроившись на вибрацию определенной чистоты, можно оказаться в любом периоде своей жизни, переживать одно мгновение неопределенно длительное время. Это давало возможность в полной мере почувствовать глубину, значимость момента, понять его смысл.

Но за последнее время слишком большое число художников возвращалось в прошлое. Исчезнув из основного потока событий, известные всему миру Мастера пребывали там все дольше, рискуя навсегда остаться добровольными пленниками времени.

Размышляя о причинах столь странного и печального факта, Лоренс, незаметно для себя, прошел всю Парковую зону и оказался у стен мастерской Милиоки.

Ощувив импульс мыслетворчества, Лоренс замедлил шаг. То, над чем работала Милиока, удивительным образом совпадало с его настроением. Это обстоятельство давало ему право предложить свое сотрудничество, Лоренс приблизился к дому. Широкие окна позволяли увидеть небольшой, с зеркальными стенами белый зал. Единственное его украшение – высокие напольные вазы с ветками цветущих деревьев.

Лоренс прислушался к хрупким, прозрачным звукам музыки. Танец девушки – под стать им. Точно рассчитанные, чеканные движения танцовщицы завораживали. Они следовали одно за другим, чередуясь с отдельными, зафиксированными, выверенными позами. Лоренс получал огромное эстетическое наслаждение от пластики ее тела, от танца, но сюда примешивалось еще что-то, что беспокоило и мешало сосредоточиться.

Внезапно танец прервался, сама собой затихла и музыка. Милиока встала, вскинула лицо вверх, а потом, закрыв глаза и раскинув руки, стала медленно кружиться. Темп кружения постепенно убыстрялся. В ушах послышались отрывки дикой, но при этом неожиданно красивой мелодии. От этой музыки мысль теряла ясность. Вдруг, наступив на краешек длинного платья, Милиока потеряла равновесие и упала.

Лоренс забеспокоился. Большинство жителей Альдеона в той или иной степени обладали способностью целительства. Но, потеряв сознание, девушка могла оказаться совершенно беспомощной.

Лоренс решительно шагнул к дому, поднялся на невысокое крыльцо, распахнул ажурные створки двери и замер от удивления: Милиока, сидя на полу посередине комнаты, смеялась. Смеялась! Такое он видел лишь на старых видеозаписях. Первые переселенцы Альдеона еще позволяли себе подобные выходки. Но чтобы современный человек, Мастер... .. Не веря своим глазам, Лоренс потряс головой.

Милиока, почувствовав присутствие постороннего, неловко поднялась и тихо спросила: – Чем обязана появлению столь высокого гостя?

Выслушав объяснения Мастера, девушка поблагодарила его за заботу.

– Еще раз приношу извинения за непрошеное вторжение, – поклонился Лоренс.

Он собирался уйти, но в это время на середину комнаты упал широкий луч света. Отразившись в многочисленных зеркалах, он, как в фокусе, сосредоточился на фигуре Милиоки.

Лоренс остался стоять, не имея сил оторвать взгляд от девушки. Так близко он видел ее впервые. Ее нельзя было назвать красавицей в полном смысле этого слова... Линии ее тела и черты лица не были совершенными, но в совокупности эти недостатки составили неподражаемое очарование. Собранные в замысловатую прическу пепельно-русые волосы, жемчужно-розовые губы на словно светящимся изнутри лице и глаза. ...Глаза – цвета неба, изумрудно-зеленые.

Между тем на лице девушки появились признаки удивления и недовольства. Слегка поклонившись, Лоренс поспешно покинул мастерскую.

...Впервые он увидел Милиоку на одном из конкурсных показов и с тех пор старался не пропускать ее выступлений. Она по праву слыла основателем особого жанра.

Каждый миг-поза был наполнен своим особым смыслом. Плавно переходя друг в друга, они составляли небольшой рассказ философского содержания,

Сложный грим танцовщицы превращал ее лицо в маску, пластика тела также была лишена чувственности. Продуманные, выверенные, утонченные движения свидетельствовали о колоссальном потенциале физического тела. Являясь еще слишком материальным, тело устремлялось к вершинам своих возможностей. Маленькие спектакли, танцы-притчи, вызывали неизменный интерес зрителей.

Все эти подробности припоминались Лоренсу в течение целого дня. А ночью он проснулся от звучащей в голове музыки, под которую сегодня танцевала Милиока. Лоренс вдруг ясно увидел ее всю, от кончиков серебристых тупфелек до рассыпавшихся пепельных волос. В ее кружении, напоминающем некое магическое действие, было что-то ужасное, таящее в себе угрозу; это волновало, беспокоило, вызывало почти физическую боль.

«Волнение крови», – само собой всплыли давно забытые слова, – вот та грозная опасность, которая исходила от нее и которую он так явно ощущал сейчас.

Лоренс попробовал обрести душевное равновесие среди своих любимых работ. Получилось еще хуже. С недоумением и нарастающим раздражением он рассматривал линии своих любимых музыкальных конструкций. Еще вчера казавшиеся безупречными, сегодня они выглядели вычурными, претенциозными, чужими. Мелодия, над которой он работал последние дни, утратила свойственную его стилю высокую торжественность и хрустальную ясность. С ним творилось что-то неладное.

Он решил обратиться за помощью в медицинский центр, к доктору Арсулу, к которому всегда испытывал особенное расположение. Исследовательский талант ученого, огромный врачебный опыт плюс врожденная интуиция делали его непревзойденным диагностом. Кроме того, Арсул был одним из самых известных и почитаемых поэтов. Его поэмы поражали изысканностью рифмы, лаконизмом, строгостью формы и являли собой образец абстрактного мышления.

После внимательного осмотра доктор подтвердил свое предположение:

– В энергоинформационной оболочке прошли незначительные изменения. Их можно легко подкорректировать. – Немного подумав, добавил: – Если захотите. У меня было нечто подобное. Коллеги вовремя обратили внимание на мое состояние и помогли вновь обрести покой. Правда, я до сих пор не знаю, хорошо это или плохо.

Лоренс помнил эту громкую историю. Блистательный доктор, став заложником своих чувств к женщине, едва не погубил свою карьеру. Эурика, так, кажется, звали ту особу, отказалась от психокоррекции, предпочтя позорное изгнание. Интересно, где она сейчас обитает?

– Вам не кажется странным, что, при всей декларируемой свободе доступа к информации, мы ничего не знаем о тех, кто добровольно или по принуждению покинул Альдеон? – будто отвечая на его мысли, обратился к нему доктор.

«Видно, не зря говорят, что он обладает незаурядными телепатическими способностями, он экзосенс, отсюда и его уникальный целительский талант», – подумал Лоренс. Ему не хотелось продолжать разговор на острую тему, и он ответил вопросом на вопрос:

– Я давно не видел ваших новых сочинений, почему?

– Потому что я перестал писать. Даже для себя. И позвольте вас уверить, – в янтарных глазах доктора зажглись яркие золотистые искорки, – я не обладаю в полной мере телепатическими способностями. Не говоря о том, что использовать их без ведома собеседника было бы, по меньшей мере, неприлично. На самом деле, предугадать ход мыслей давно знакомого человека не составляет трудностей. Впрочем, не стоит сейчас об этом, – Арсул вежливо улыбнулся. – Вы заметно устали за последнее время. Небольшие функциональные нарушения можно быстро устранить с помощью резонансной терапии. Но я бы посоветовал вам просто отдохнуть в одной из реликтовых зон. А потом, если не возражаете, мы встретимся еще раз.

Лоренс выбрал пустыню, так как считал ее одним из самых совершенных творений природы. И вот результат – он сидит на горячем песке и думает о женщине. Все его усилия оказались тщетными. Остается только одно: найти новый источник вдохновения и сосредоточиться на творчестве. Еще лучше – переключиться на другое дело. Впереди – ответственные соревнования по боевому искусству. Участие в них потребует полной отдачи физических, психических, интеллектуальных сил. Переключение с одного вида деятельности на другой всегда благотворно сказывалось на деле. «Действовать, действовать, действовать – вот лучшее лекарство от хандры!»

Глава 10

Четверг выдался на редкость незадачливым днем. С утра зарядил дождь, машина заводилась с трудом, что-то в ней стучало и пытело. Ник посоветовал не рисковать и не садиться за руль, клятвенно пообещав сегодня же отвезти ее в мастерскую. Пришлось ждать автобус, и Мэг чуть не опоздала на работу. Мало того, в конце рабочего дня шеф собрал всех врачей у себя в кабинете и зачитал новые инструкции, поступившие из департамента здравоохранения.

Было уже семь часов, когда Мэгги вспомнила, что хотела посмотреть выступление фигуристов по телевизору. Позвонила домой. Как ни странно, сын оказался на месте. «Ну, конечно, завтра у него экзамен по биохимии – дело серьезное».

– Ник, что там с машиной?

– Пустяки, завтра можно будет забрать. А ты скоро будешь дома? Я не ужинал, жду тебя.

– Нет, милый, я немного задержусь, ты, пожалуйста, поешь один. Да, чуть не забыла, сегодня по телевизору будут показывать фигурное катание, если не трудно, запиши на видео.

– О`кей, – без всякого удивления согласился Ник. С ним всегда было легко договориться, у него был на редкость легкий характер.

Приехав домой, Мэг первым делом заглянула в комнату сына. Там горел яркий свет, но Никки уже спал, положив голову на учебник. Попыталась разбудить его – бесполезно: на секунду открыл глаза, пробурчал что-то нечленораздельное, повернулся на бок и тут же заснул. «Пусть поспит, – решила Мэг, – все равно лишние два часа ничего не решат, лучше завтра пойдет на экзамен со свежей головой».

Спустившись вниз, Мэг сварила крепкий кофе и уселась перед телевизором. Ник добросовестно записал всю программу соревнований. Пропустив первую часть, Мэген оставила последние три выступления. Глядя на безукоризненное катание фигуристов, думала: какого совершенства может достичь талантливый человек, но сколько труда нужно приложить, чтобы так владеть своим телом.

Русский спортсмен вышел на лед последним. Комментатор в нескольких словах изложил суть его выступления. Маргарет на одном дыхании просмотрела этот номер, провернув пленку назад, посмотрела еще и еще раз. Казалось, она видела и чувствовала скрытый, магический смысл этого танца, совершенно не совпадающий с пояснениями комментатора.

Бессмертная душа, свободно парящая в бесконечном космосе, спустилась на Землю, воплотившись в человеке. Забыв свою Божественную сущность, человек жил по всем законам земного существования – бездумно и праздно. Но вот встретила любовь. Познав великую радость и печаль, человек преображается, предчувствует свое бессмертие и Божие величие, даровавшее его.

Последние торжественные аккорды музыки. Маргарет не могла оторвать взгляд от самозабвенно страстного и вдохновенного лица исполнителя – окрепшая душа, обогатившись опытом любви, освобождается от плена здешнего мира и возвращается домой, в Вечность.

Выступление окончилось, миг ликования, шквал аплодисментов, пауза перед судебским решением. На экране снова крупным планом показали русского спортсмена. Мэг почти со страхом всматривалась в эти странные, неожиданные черты лица.

Выключив телевизор, она некоторое время ничего не могла делать. Впечатление от этого маленького спектакля оказалось необычайно сильным. Увиденный образ не оставлял в покое. Порывшись в шкафах, Мэг достала узкий кусок грунтованного холста на подрамнике, коробочку с углем и, немного подумав, принялась за работу.

Раньше с ней нередко случалось такое: западет в душу чье-то лицо, будь то ребенок, мужчина или женщина, и она начинает маяться, пока не сделает хотя бы карандашный набросок.

Это было время, когда Маргарет всерьез занималась живописью и собиралась стать художником. Раннее замужество и рождение ребенка заставили забыть об увлечении. И сейчас Мэг с удивлением и удовольствием замечала, что полученные когда-то навыки не утрачены.

Наметив углем очертания будущего портрета, взялась за краски. Не раздумывая, смешала их – и сразу же добилась нужного оттенка.

«Мэдж, нам до твоих эмоций, как до звезд, – говорили когда-то товарищи по студии, в которой она занималась. – Техника – дело наживное, но то, о чем ты пишешь – просто потрясающе!»

Сюжеты картин приходили из ниоткуда. Взаимосвязь видимого и невидимого, тонкого и материального миров, на границе которых был человек. Он полагается на свой несовершенный ум и отвергает знание сердца. Мечтает постигнуть все тайны мироздания и боится найти простые ответы в себе...

Сильно растворив в скипидаре краски, Маргарет нанесла первый слой цвета. Безошибочно точные и тонкие мазки создавали эффект прозрачности акварели.

Ощущение одиночества, оставленности, неприкаянности – вот то главное, что не переставало волновать ее с юности. «Действительно, до чего парадоксальное существо человек! Всюду кричит о свободе и загоняет себя в узкие рамки сиюминутных представлений и вкусов. Ввести в понятие красоты стандарт – полный абсурд! Настоящая красота – это дар Божий; ее чувствуют все, вне зависимости от образования, интеллекта. Она приносит радость в мир, делая окружающих добрее и счастливее. А чего стоит идиотский лозунг „свободная любовь“! Все равно что сказать „масло масляное“. Любовь и есть высшее проявление свободы». Мэг вздохнула.

Несколько мазков более густой краски, нанесенных напоследок, казалось, вдохнули жизнь в портрет. Маргарет немного отстранилась и осмотрела законченную работу. Прямо на нее смотрел юноша-рыцарь. Он стоял, слегка опираясь на меч. Черный, с глухим воротом костюм оттенял бледное, худощавое лицо молодого человека. Взгляд ярких голубых глаз с искорками смеха – смел до дерзости, но в самой их глубине угадываются нежность и печаль.

– Неплохо, – сама себе сказала Маргарет, осматривая работу как бы со стороны. – Но вот проблема – придется объяснять, с какой это радости я написала портрет русского парня.

Вообще, она пыталась создать лишь образ, навеянный его танцем, но физическое сходство с конкретным человеком было так очевидно, что Мэгги призадумалась. А потом снова взялась за кисть и внесла небольшие изменения. Чуть смягчила линии подбородка, сделала немного темнее волосы, подбавила синевы в глазах... И вот, пожалуйста, тот же образ с почти неузнаваемым лицом. Неожиданно для себя она увидела в портрете черты, сходные с Ником. Прекрасно, вот и ответ! Что-то еще не давало ей покоя, что-то важное для нее.

– Ну, конечно! – Мэг хлопнула себя деревянным концом кисточки по лбу. – Он как две капли воды похож на незнакомца из моего сна. Ну и дела!

Мэгги вдруг почувствовала ужасную усталость. Но все же решила сначала пристроить картину. Не долго думая повесила ее в библиотеке, вместо надоевшего скучного пейзажа. С минуту смотрела на портрет, заходя то справа, то слева.

«Тут ему и место!» – кивнула она головой, закрепляя свое решение. Кое-как убралась и с легким сердцем отправилась спать.

Глава 11

Семь дней пролетели, как одно прекрасное мгновение. Каждый день Ричард виделся с Оливией, говорил с ней. Его приятно удивляли и самостоятельный взгляд на жизнь, и вкус к раздумьям у такой юной девушки. Оливия не избегала общения с ним, не дичилась, всегда была естественна и открыта. Не было в ней ни капельки жеманства, ни кокетливого притворства.

Слушая его рассказы о дальних путешествиях, девушка так широко раскрывала глаза, так забавно взмахивала руками, что Ричард от переполняющего сердечного умиления терял дар речи. Возмущаясь и ахая, хмурясь и улыбаясь вслед повествуемым событиям, Оливия постоянно обращалась к окружающим, призывая их разделить ее чувства. И вдруг – неожиданное замечание, короткое и точное, избличающее проницательный и зрелый ум. Все в ней было неизъяснимо прелестно. С каждым днем любовь Ричарда к девушке становилась сильнее и уже ни для кого не оставалась секретом. Не остались незамеченными и перемены, происходящие с юной девой: в присутствии рыцаря ее изумрудные глаза сияли ярче звезд, голос становился нежнее, смягчались порывистые движения.

Когда, на третий день его пребывания, сэр Эдгар спросил свою дочь, нравится ли ей сэр Ричард, она, не кривя душой, ответила:

– Не знаю, люблю ли я его. Но мне с ним хорошо, почти так же, как с тобой.

– Согласилась бы ты стать его женой?

Оливия подумала совсем недолго и ответила:

– Да.

Сэр Эдгар быстро прошел в комнату гостя и, ничего не говоря, подвел его к дочери.

– Дочка, вот жених, которого я подобрал тебе.

Побледневший, не готовый к такому быстрому развитию событий, Ричард опустился на одно колено, осторожно взял за край длинный пояс платья Оливии и поцеловал его. Поднявшись, посмотрел ей прямо в глаза и решил: увижу в них сомнение, тотчас же уеду! Взгляд девушки был спокоен и светел. Ричард со всей ясностью осознал: «Мы связаны на всю оставшуюся жизнь, даже ее отказ теперь ничего не изменит». На душе стало радостно и тревожно.

Оливия видела, как на лице рыцаря, сменяя друг друга, появлялись отчаяние и надежда. Отыскивая ответные слова, заглянула в свое сердце, нежно усмехнулась и тихо сказала:

– Я буду вашей женой.

Ричарду почудилось, что Небо и Земля поменялись своими местами и во всем этом новом мире остались только он и его Оливия.

Домашние были удивлены скорым согласием девушки. Впрочем, мало кто знал ее истинный характер. Все принимали ее за беспечное, не обремененное заботами и хоть скольконибудь серьезными мыслями создание. Сама Оливия старалась поддерживать такое мнение: даже себе боялась признаться, что она не такая, как все. В ней будто уживается другой человек. На людях она была неизменно веселая и открытая, отзывалась на каждую шутку, с охотой принимала участие во всех выдумках и проказах. Но стоило ей остаться наедине с собой, все менялось – она чувствовала себя очень взрослой, одинокой и ни на кого не похожей. И еще: у нее была тайна – она сочиняла стихи.

Из-за них она нередко просыпалась среди ночи. В голове сами собой складывались и ложились на музыку строфы. Никому и никогда не рассказала бы она о своем сочинительстве, когда б не случай: сестра застала ее ночью с инструментом в руках. Но Виолетта поклялась, что никому об этом не расскажет, и, судя по всему, твердо держала свое слово.

Изредка, подчиняясь особому настроению, Оливия исполняла свои песни перед гостями. Разумеется, она выдавала их за песни странствующих трубадуров. Все охотно верили ей.

Но самая страшная тайна – ее сны. В них она часто видела своего избранника – не горячего и пылкого возлюбленного, а умного, всегда немного печального друга, способного понять ее самые сокровенные мысли. Он глядел на нее с ласковой усмешкой, иногда что-то говорил, но, что именно, ей никогда не удавалось вспомнить. Она просыпалась, храня в памяти взгляд его холодноватых голубых глаз, вздыхала и чего-то побаивалась.

Оливия узнала в Ричарде своего тайного друга не сразу. Помог случай. Друзья отца решили воспользоваться коротким пребыванием известного воина и попросили Ричарда поделиться опытом боевого искусства с молодыми людьми, своими сыновьями.

Оливия вместе с многочисленными гостями стояла на наскоро сколоченной трибуне и словно зачарованная смотрела на Ричарда: тот с ленивой грацией отбивался от града сыплющихся со всех сторон ударов. Лицо рыцаря оставалось совершенно бесстрастным, лишь в его глазах читалась умело запрятанная усмешка. Сердце девушки дрогнуло: она признала в Ричарде хозяина своих ночных грез.

Оливия не знала, что и подумать. Из какой неведомой дали, на счастье или на беду, пришел к ней он, единственный, предназначенный ей человек. Ей было все равно – молод он или стар, беден или богат.

«У нас будет все по-другому, не так, как у большинства знакомых людей. Я поведаю ему о своих снах, спою самые нежные, заветные песни, расскажу, как мне было одиноко без него. Он все поймет, все примет. Я сама буду предугадывать его желания, потому что стану неотъемлемой частью его. Все, что он хочет, отныне буду хотеть и я. Все, что ему дорого, будет мило и мне. Он – лучший во всем свете!» Несколько коротких минут, за которые промелькнули все эти мысли, решили судьбу Оливии.

Последние три дня они не отходили друг от друга. Им казалось, что никто и никогда не испытывал таких чувств, ни у кого на свете раньше не было таких волшебных мгновений. Влюбленные нашли уединенное местечко: прямо под окнами Оливии стояла простая деревянная скамейка, укрытая от посторонних глаз кустами цветущего шиповника. Там, сидя рука об руку, они вздыхали и предавались мечтам. От близости девушки и густого запаха шиповника, обильно покрытого бело-розовыми цветами, голова Ричарда шла кругом.

Весть о помолвке разлетелась в одночасье. Соседи с пониманием отнеслись к выбору сэра Эдгара. Они сразу прикинули, что их полку прибыло. В их местах, впрочем как и повсюду в Англии, было беспокойно. С появлением в их рядах такого отважного рыцаря позиция местных помещиков заметно укреплялась. «Судя по всему, на Ричарда можно положиться и в бою, и в делах,» – говорили они друг другу.

Только для бедного Тристана известие о помолвке показалось громом среди ясного неба. Он скрылся от всех в зарослях старого сада и плакал там, чувствуя себя самым несчастным человеком на земле.

– Нет, нельзя больше оставаться в отчем доме. Видеть каждый день Оливию без малейшей надежды на счастье с ней... Нет, это – выше моих сил, – говорил он себе вслух, нещадно обрывая ни в чем не повинные цветы с кустарника. – Надо приложить все усилия, чтобы в ближайшее время поступить на военную службу и покинуть Англию. Если отец не даст благословения – убегу.

Перед глазами молодого человека возникли радужные картины будущих ратных подвигов.

– Да, надо будет взять у матушки медальон с изумрудом. Стану носить его вместе с крестиком. Глубокий цвет камня всегда будет напоминать зелень глаз Оливии. А когда меня убьют, изумруд положат вместе со мной в землю. – Тристан ясно представил себе день своих похо-

рон. – Оливия увидит на моей груди медальон и сразу все поймет, и тогда, может быть, полюбит на всю жизнь. – Тристан прерывисто вздохнул и поднял к небу омытые слезами глаза цвета темного янтаря – теперь у него появилась цель в жизни, он был почти счастлив.

Весть о том, что Ричард должен еще год провести в Палестине, не слишком огорчала Оливию. Ожидание было обычным делом женщин. С детства они привыкли годами ждать возвращения своих отцов и братьев из дальних походов. Девушка без страха думала о разлуке и даже ждала ее, чтобы скорее начать думать о своем возлюбленном.

Ричард дал своей невесте кольцо своей матери, а она вручила свой золотой медальон с вложенной туда прядью своих волос. Расставание было недолгим и не очень грустным, ведь им надо было продержаться друг без друга всего до следующей весны.

Ричард лишь один раз обернулся на провожающих, и у него тревожно сжалось сердце: такими незащищенными они показались ему.

– Да хранит вас Господь!

Он припустил коня: впереди почти целый день дороги.

Еще задолго до места сбора он почувствовал запах костров и услышал звуки походных труб. Это отвлекло его от печальных мыслей. Предстоял еще двухдневный переход до порта, а там корабль – и Палестина!

Глава 12

Зайдя утром в библиотеку, Мэген с удовольствием посмотрела на светлое, открытое лицо рыцаря. Или монаха. Или ангела... Казалось, что он, глядя прямо в ее глаза, хотел сообщить какую-то радостную новость.

Да, ведь в переводе «ангел» – «вестник». Может, он и впрямь станет вестником чего-то нового, что настойчиво просится в ее жизнь и стоит прямо у порога.

От неожиданно прозвучавшего телефонного звонка Маргарет вздрогнула и поежилась. Звонила Кейт.

– Салют, подруга! Ты не забыла, сегодня вечером мы идем на вечер в мэрию. Приоденься как следует, там будет много наших знакомых. Будет и наш русский красавчик, я специально узнавала. Девушкам я уже позвонила, встречаемся в семь часов у главного входа. Целую.

Кейт не дала вставить и слова. Мэгги хотела было перезвонить, чтобы отказаться, а потом передумала. А почему бы и нет. Она действительно уже давненько никуда не выходила. К тому же любопытно посмотреть на этого парня. Кто-кто, а уж она хорошо знала, как часто сценический образ не совпадает с личностью исполнителя, – вдоволь насмотрелась на знаменитостей, пока жила в доме Марка.

Маргарет провела в приготовлениях почти весь день. Это было на нее совсем непохоже. Сама она никогда не считала себя красавицей, но уже давно смирилась с фактом, что кажется привлекательной многим мужчинам. Как правило, их предложения были очень пристойными. Имелось в виду или замужество, или длительная связь, с прекрасным материальным обеспечением.

Мэгги оправдывала это тем, что у каждого человека есть ничем не объяснимые свойства: например, кто-то всегда удачлив в бизнесе, кто-то на рыбалке, кто-то в игре; а она привлекала мужчин. «Бог дает беззубым на орехи», – часто смеялись подруги. Как бы то ни было, на свою внешность она никогда не тратила много времени.

Но сегодня ей захотелось выглядеть особенно хорошо. С утра Мэген сходила к своему мастеру и немного изменила обычную прическу. Вечером долго стояла перед раскрытым шкафом, критически осматривая костюмы, и наконец, остановилась на простом платье из синего шелка. Платье было с довольно глубоким вырезом, чуть заходило за колени и естественно облегало фигуру. Серые туфли и сумочка удачно дополняли наряд. Никаких украшений, только тонкая платиновая полоска часов.

Мэг внимательно посмотрела на себя в зеркало: освещенное большими зелеными глазами лицо кажется особенно выразительным в сочетании с глубоким синим цветом платья. Очень удачно уложены темно-русые волосы... Последний штрих – тонкий слой сиреневой помады. Комнатные часы пробили половину седьмого. Мэгги подхватила сумочку и поторопилась к выходу.

Подъехала она ровно в семь часов, подруги ее уже ждали, и они сразу прошли в зал. Их столик был удачно расположен – с хорошим обзором, и достаточно далеко от сцены, где играл небольшой оркестр.

Вначале помощник мэра сказал несколько слов, выражая благодарность за удовольствие, которое доставили спортсмены всей Америке и их городу. А затем предложил общаться и знакомиться друг с другом по ходу вечера.

Маргарет огляделась. Столы, за которыми сидели спортсмены, были в центре зала. После того как были произнесены тосты, атмосфера в зале заметно потеплела. То тут, то там раздавался звон бокалов, слышался смех, перед сценой появились первые танцующие пары.

Его Мэгген заметила сразу. Дэн сидел за столиком с интересной, хорошо одетой дамой, его тренером, и с двумя мужчинами. К ним подходило много людей. Их обнимали, хлопали по плечу, поздравляли – да ведь он стал чемпионом Игр! Мэгги осторожно поглядывала на Дэна. Вел он себя очень естественно, улыбался, станцевал несколько раз со своей дамой и девушками, сидящими за соседними столиками. Подруги тоже заметили его.

– Да этот парень – настоящий плейбой! Нет, до чего хорош, – хихикала подвыпившая Дези. – Мэдж, взгляни, он ведь сверстник твоего сына, а Ник просто мальчишка по сравнению с русским. Видно, нелегко даются чемпионские победы.

В черном костюме и светлой рубашке с наглухо застегнутым воротником Даниель и впрямь казался старше своих лет. Он тоже обратил внимание на сидящих неподалеку четырех молодых женщин. Все они были по-своему привлекательны, лицо же одной из них показалось ему смутно знакомым. Понаблюдав за ней, решил: при первой же возможности познакомлюсь.

От выпитого вина, пряного теплого воздуха, поступавшего через раскрытые окна, у Мэг слегка кружилась голова. Ее опять охватило состояние ожидания чего-то необычного. Когда к их столику подошел русский и пригласил ее потанцевать, она ничуть не удивилась.

Дэн на вполне приличном английском сказал несколько общих фраз о городе, об удавшемся вечере, о хорошей музыке и пригласил еще на один танец.

За это время Мэг успела рассказать, что живет в этом городе, работает врачом и что у нее есть сын Никки. – Ему уже двадцать три года, и он очень похож на вас, – сама не зная для чего, сообщила Мэг. Дэниел только кивнул головой и подвел ее к столику. Мэгген представила ему своих подруг.

– Рад познакомиться с самыми очаровательными девушками Калифорнии, – непринужденно произнес Дэн и получил в ответ благодарные улыбки.

Говоря о Кейт, Маргарет не преминула подчеркнуть:

– Кейт самая молодая из нас. Ей только через месяц исполнится сорок пять лет. – Дэниел и бровью не повел.

«Ну и выдержка у этого парня», – подумала Кейт.

«Этот русский умеет держать удар», – одобительно кивнула головой Дези и с еще большим интересом посмотрела на него.

Даниель представил Мэгги своему тренеру. Елена Петровна доброжелательно окинула взглядом американку, сказала ей несколько приятных слов. А потом, слегка отвернувшись, прошептала:

– Даня, ты слишком много времени уделяешь одной даме, это может быть неправильно истолковано.

Данила прямо посмотрел ей в глаза.

– Да, вы правы, мы здесь засиделись, да и музыка здесь слишком однообразна. Пожалуй, мы поищем местечко повеселей!

Елена Петровна только подняла брови, но ничего не ответила. Дэн, как ни в чем не бывало, подошел к столику, за которым сидели подруги.

– Это твоя сумка? – спросил он Мэг, пребывавшую в каком-то оцепенении. Улыбнулся девушкам и сообщил: – У Мэгги разболелась голова. Мы немного пройдемся. Надеюсь еще увидеться с вами.

Подхватил ошалевшую, не успевающую за его мыслями Маргарет под руку и вывел ее из зала.

Ночной воздух приятно охладил их лица. Все еще держа Мэг за руку, Даниель спросил:

– Хочешь еще потанцевать?

– Да, но я не знаю, где сейчас хорошая музыка.

– Здесь, неподалеку, есть симпатичный клуб, в нем почти всю ночь играют приличные группы. Ну так что, едем?

Маргарет ожидала увидеть какую-нибудь большую машину с открытым верхом, какие любят покупать в Америке русские, но Дэниел подвел ее к элегантному, дорогому автомобилю. Помог ей усесться на переднее кресло, молча завел мотор.

В клубе они танцевали несколько часов и не раз срывали аплодисменты окружающих. Оба обладали безукоризненным чувством ритма. Дэн блестяще владел своим телом, Мэгги от природы была пластична и гибка. Они выглядели необыкновенно органичной и привлекательной парой.

К двум часам ночи Мэген почувствовала легкую усталость и сказала:

– Пожалуй, на сегодня все.

Дэн без возражения повел ее к выходу. Также молча подвел к машине.

– Куда ехать?

Мэг назвала свой квартал. Дэниел довольно хорошо ориентировался в городе, и через несколько минут они оказались у дома. Маргарет приготовилась выговорить обычные слова благодарности и попрощаться, но Дэнни опередил ее. Помогая выбраться из машины, непридуманно обронил:

– Пить хочется ужасно!

Мэг, приняв его слова за чистую монету, с огорчением заявила:

– Поблизости нет ночных ресторанов или бара.

– Ну а в твоём доме, надеюсь, вода найдется? – спросил он, улыбаясь.

При всей двусмысленности ситуации Мэгги не смутилась. Какие, собственно, могут быть проблемы у нее с этим двадцатилетним парнем? Задумалась только на минуту.

– Да, разумеется.

Она привела его в гостиную, налила в высокие стаканы холодной минеральной воды, торопливо глотнув, взглянула на Дэниела. Тот удобно расположился в кресле, положив ногу на ногу, и, похоже, вовсе не торопился уходить.

– Может, кофе? – неуверенно произнесла Мэгги. Только сейчас она сообразила, что они в доме одни, – сын на выходные поехал к родственникам.

– Да, это было бы здорово, – спокойно ответил Дэниел.

Мэг прошла на кухню, думая только о том, какой кофе лучше сделать – растворимый или из свежемолотых зерен. Она потянулась за баночкой кофе, а развернувшись, встретилась с Дэном и вздрогнула от неожиданности.

Он подошел совсем близко, неторопливым движением отобрал из рук баночку и, наклонившись над ней, осторожно поцеловал в уголок губ, потом еще и еще раз. Это было так неожиданно, что Мэгги обмерла и сильно зажмурилась, будто надеялась, что когда откроет глаза, никого рядом не окажется. Но он стоял так же близко и так же серьезно смотрел прямо в лицо.

У Мэгги подкосились ноги, сердце громко и непослушно зачастило. В голове звенело.

– Нет, этого не может, не должно быть!

Глядя на ее удивленное, испуганное лицо, Даниель немного отстранился. Но изумленные глаза были так по-детски широко распахнуты, а щеки покрылись таким ярким румянцем, что он тотчас же успокоился. Ласково усмехнувшись, слегка запрокинул ее голову и одним дыханием прошелся теплыми губами по всему лицу.

Поцелуи были так нежны, словно лица касался легкий ветер. Так целовал ее отец, осушая детские слезы на щеках. Давно позабытое ощущение защищенности и полного покоя охватило ее.

Мэг на секунду прикрыла глаза, а открыв их, встретила настойчивый и строгий от нежности взгляд. Слегка вздохнув, положила руки на плечи Дэну и совершенно доверилась ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.